Очаг

Автор:
Валентин Лукьяненко

Очаг

Сергей Васильевич Лукьяненко

Валентин Холмогоров

Пограничье #10

Каждая история когда-нибудь заканчивается. Бывшему командиру 16-й пограничной заставы по прозвищу Ударник предстоит решить непростую задачу: агенты Очага грозят катастрофой его родному миру, а времени, чтобы предотвратить ее, осталось совсем немного. Он должен преодолеть множество препятствий, проникнуть в самое логово врага, разгадать его планы и, возможно, пожертвовать всем, чтобы добиться главной цели – спасти Землю от неминуемой гибели.

Тогда у человечества появится шанс, единственный и последний шанс выжить.

Сергей Лукьяненко, Валентин Холмогоров

Очаг

Пролог

Если закрыть глаза, кажется, будто вокруг привычно раскинулся Центрум. В воздухе ощущается смолянистый аромат дыма из печных труб и терпкий дух лошадиного навоза. Где-то вдалеке грохочут по булыжной мостовой деревянные колеса пролетки, мелодично позвякивает конская упряжь. Горожане еще спят в столь ранний час. Порывы влажного ветра доносят с окраин заполошный петушиный крик, предвещающий близкий рассвет, да сердито перекликаются чайки над рекой. Точь-в-точь рядящаяся в столичные одежды, но все же насквозь провинциальная Антария или живущий легендами и традициями патриархальный Лирмор.

Но стоит оглядеться, и наваждение рассеивается. Здесь все иное. Другая архитектура – высокие, в пять-семь этажей, каменные дома, фасады которых украшены замысловатыми узорами балконных ограждений и монументальными гранитными балюстрадами парадных лестниц. Подслеповато щурятся прикрытые решетчатыми ставнями окна. Островерхие мансарды и готические шпили соревнуются своей горделивой осанкой с чернеющими на фоне ночного неба высотками доходных домов и дорогих отелей. Вдоль тротуара теплятся лунным светом дуговые электрические фонари, отражаясь в холодных стеклах витрин. Широкая улица убегает в предрассветный сумрак, а посреди мостовой тянутся к небу телеграфные столбы, опутанные толстыми жилами проводов… Нет, это совершенно не похоже на Центрум.

А еще здесь есть бензин. Вот он, ждет своего часа в смахивающей на большую плоскую флягу канистре. Четыре с половиной галлона резко пахнущей маслянистой жидкости, раздобытой в специальной лавке для автомобилистов-любителей. Бензин тут, надо сказать, паршивый, плохо очищенный, с множеством посторонних примесей. Хочется верить, что он все-таки сохранил свои горючие свойства.

Окна дома напротив наконец погасли. Спустя пару минут из подъезда показался высокий худощавый мужчина – в слабом электрическом свете виднелись уложенные аккуратным пробором темные волосы и полоска щегольских усов на бледном, чуть вытянутом лице. Мужчина запер входную дверь на ключ, зябко поежился, запахнул полы длинного шерстяного пальто и размашисто зашагал прочь.

Прячущийся в тени соседнего здания человек в темном сюртучном костюме и широкополой шляпе, удачно скрывающей черты его лица, извлек из-за пазухи карманные часы на серебряной цепочке и щелкнул крышкой. Стрелки

показывали без двадцати пять. Пора. Надев тонкие кожаные перчатки, мужчина ловко подхватил стоявшую рядом канистру с бензином. Оглянувшись по сторонам и убедившись в отсутствии случайных свидетелей, он уверенно пересек дорогу и направился к подъезду шестиэтажного дома, только что покинутого его единственным ночным обитателем. В руке звякнула тяжелая связка отмычек.

Говорят, огонь очищает. Огонь бесследно стирает прошлое, превращая его в невесомую золу и пепел. Огонь бесполезно молить о пощаде, он не помнит ни радостей, ни страданий. Он беспристрастен и равнодушен, словно древние божества.

Но сегодня огонь призван уничтожить будущее. Будущее, которого не должно наступить. Будущее, что несет лишь смерть, беды и несчастья. Пусть оно навсегда сгинет в ревущем пламени, исчезнет из ткани бытия и уже никогда не свершится. Возможно, тогда у человечества и на Земле, и в Центруме появится шанс. Единственный и последний шанс выжить.

Глава 1

Домой я вернулся за полночь. Таскать с собой ключи от входной двери я отвык уже давным-давно, да и не было в них никакой необходимости – мои врата открывались прямо в квартире, в прихожей с голубоватыми обоями на стенах. Босые ноги привычно ощутили прохладу керамической плитки на полу, а воздух после продуваемой всеми ветрами клондальской степи показался непривычно горячим и густым, точно сметана. В этом году затяжная московская зима никак не желала уступать свои права, а батареи центрального отопления жарили вовсю, окончательно превратив мое жилище в душные тропики.

Первым делом – отключить тревожно мигающую красным светодиодом сигнализацию, затем – шагом марш в ванную. Добрая традиция, с годами ставшая рутиной. Под упругими струями теплой воды отлично смывается въевшаяся в кожу пыль чужого мира, холодный душ помогает сбросить накопившийся груз усталости, а контрастный горячий – разогнать в жилах кровь. Поврежденная выстрелом рука уже почти не болела: что ни говори, а медицина в мире Очага и впрямь творит чудеса. Забросив пропахшую потом одежду в

стиральную машину, я обернул вокруг бедер влажное полотенце и прошлепал на кухню. Холодильник практически пустой, только в морозилке обнаружился дожидающийся своей участи пакет оледеневших пельменей, да в углу сиротливо притулился подозрительный кусок «Докторской». Что ж, за неимением альтернативы будем питаться тем, что есть.

Под тихое бормотание автоответчика я поставил на плиту кастрюлю и вылил в нее горячий кипяток из только что закипевшего электрического чайника – так быстрее. Следом отправилась щепотка соли, лавровый лист и четвертинка завалявшегося в буфете бульонного кубика – для вкуса. Автоответчик, коротко бибикнув, умолк. Важных звонков в последние несколько недель не поступало, да я в общем-то и не ждал таковых. Дважды звонила мама, просила связаться, когда появится время, один звонок был от Кальки – она сообщила, что Хмелю стало гораздо лучше и он уверенно идет на поправку. Хоть какая-то приятная новость за минувшие дни. Высыпав в кипящую воду припудренные инеем пельмени, я задумался.

Итак, что мы имеем? Группа радикалов, именующая себя Очагом, решила распространить на Земле «пластиковую чуму», чтобы превратить планету в жутковатое подобие Центрума. Они якобы желают предотвратить катастрофу, к которой могут привести ведущиеся в нашем мире опасные эксперименты. Да уж, информации, прямо скажем, немного, а достоверной – и того меньше.

Едем дальше. В качестве места проведения акции была выбрана вот эта самая квартира, и выбрана неспроста: раз уж обитатели Очага живут в обратном потоке времени, из будущего в прошлое, в их вселенной это событие – уже свершившийся факт. Причем предположительная дата взрыва чумной бомбы мне известна, спасибо за подсказку замечательному человеку по имени Виорел. Времени осталось в обрез. Будут ли агенты Очага действовать напрямую, как в прошлый раз? Вряд ли. Сейчас, наученные горьким опытом, они наверняка станут осмотрительнее. Переправят бомбу на Землю с кем-нибудь из проводников-контрабандистов, а потом… Что потом? Каков будет их следующий шаг?

Пельмени уже давно водили хоровод в пузырящейся кипящей воде. Предусмотрительно выключив плиту, я принялся вылавливать их шумовкой из кастрюли и перекладывать в глубокую суповую тарелку.

Мысли назойливо вертелись вокруг чертова эксперимента, из-за которого и заварилась вся эта каша. А существует ли он на самом деле, или это хорошо продуманная деза? Что за таинственные исследования, способные погубить целую планету? Атомная бомба? Вирус, вызывающий смертоносную болезнь? Адронный коллайдер, готовый превратить Солнечную систему в черную дыру? Нет ответа. И ведь не у кого спросить… Да и узнать тоже, наверное, не получится, подобные секреты очень хорошо охраняются и не раскрываются кому попало.

Поймав вилкой очередной скользкий и юркий пельмень, я покачал головой. Одного человека слишком мало, чтобы спасти целый мир. А я – самый обычный человек, хоть и наделенный способностью открывать врата в Центрум. Какие варианты действий у меня сейчас есть? На Земле – никаких. Нет у меня тут ни связей, ни подходящих знакомств, которые помогли бы решить задачу такого уровня. Да и откуда им взяться, если все последние годы я почти безвылазно просидел на заставе? Хотя стоп. С чего это я решил, будто у меня не осталось полезных контактов?

Старая записная книжка в черном коленкоровом переплете дожидалась своего часа там, где я ее и оставил в прошлый раз, – в верхнем ящике письменного стола. А вот и номер мобильного телефона, начинающийся «+44». Пару лет назад я предусмотрительно переписал его с истрепанной визитной карточки. Звонить по этому номеру бесполезно, абонент все равно не ответит, а вот отправить текстовое сообщение вполне возможно. Именно для этого он и предназначен. Дождавшись, пока загрузится мой собственный мобильник, полностью заряженный и сразу же выключенный перед прошлым отправлением в Центрум, я набрал короткое эсэмэс и бросил телефон на стол. Неизвестно, когда именно получатель прочитает послание и пожелает ли он отреагировать на него.

Однако уже через пятнадцать минут телефон тревожно зажужжал вибромотором, а спустя еще две секунды в комнате раздалась пронзительная трель вызова.

– Вы просили связаться с вами, – донеслась из динамика безупречная английская речь, стоило мне нажать кнопку приема звонка, – я слушаю.

– Здравствуйте, мистер Беккер, – ответил я, – это Ударник. Мы встречались с вами два с половиной года назад. Тогда вы даже предложили мне работу в

Штабе.

Удивительно, отчего я при первом знакомстве принял его за француза? Конечно, жизнерадостный полковник службы внутренней безопасности Пограничной стражи ничуть не вписывался в стереотипный образ чопорного англичанина, однако при более близком знакомстве он оказался самым что ни на есть настоящим уроженцем Туманного Альбиона, хоть и прожившим полжизни в континентальной Европе.

– А, господин Переславский! – после непродолжительной паузы узнал меня Беккер и сразу же перешел на русский. – Рад вас слышать, Иван.

– И я очень рад, Берндт. У меня есть для вас кое-какая важная информация.

– Я слушаю.

– Во-первых, мне удалось побывать в мире Очага, – с ходу перешел к сути я.

На том конце провода повисла напряженная тишина.

– А во-вторых, мне известна дата следующей попытки взорвать на Земле чумную бомбу. Времени…

Я взглянул на приколотый к стене календарь.

– …времени у нас в запасе осталось ровно тридцать шесть дней.

– Плохо, – тон полковника сразу сделался деловым и серьезным, – очень плохо, Иван. Скажите… вы уверены?

Уверен ли я в своем источнике информации? Да, черт возьми, уверен. После погибших на моих глазах и внезапно воскресших Кости Степанова и Деда, после явившейся с того света Эйжел, после того, как пулевое отверстие на моей руке затянулось буквально за считаные минуты… Я был бы рад ошибаться. Только, боюсь, у меня уже не осталось поводов и сил для сомнений.

– К сожалению, да, Берндт. И поэтому мне понадобится ваша помощь. Вся помощь, которую только сможет предоставить Корпус. Я могу на вас рассчитывать?

Мой собеседник чуть помедлил – наверное, выбирал и взвешивал решение.

– Хорошо. Я пришлю вам своего помощника. Этому человеку вы сможете полностью доверять, Иван. Вы встретитесь и обсудите возможные варианты действий. Итак, завтра. Скажем… Одну минутку…

На том конце приглушенно защелкали клавиши компьютера: по всей видимости, Беккер открыл в интернете страницу с уличными панорамами Москвы и пытается сейчас отыскать на карте подходящее место для встречи.

– Скажем, «Кофейный дом» на Никольской. В два часа вас устроит?

Интересно, у него в каждом городе нашей планеты имеются наготове собственные агенты?

– Договорились, Берндт. А как я смогу…

– Не беспокойтесь, Иван, – прервал меня полковник на полуслове, – просто приходите в назначенное место. Мой человек сам вас найдет. Всего доброго, Ударник.

На этом связь прервалась. А я, положив телефон обратно на стол, отправился доедать остывшие пельмени.

* * *

Я не люблю бывать в центре. Летом здесь пыльно и душно, а бесконечные толпы туристов не позволяют отделаться от навязчивого ощущения, будто тебя занесло в музей. И хотя сейчас на дворе стоял самый излет зимы, народу на Манежной оказалось немало. Неторопливо прогуливались парочки, мимо памятника Жукову с веселым смехом пронеслась куда-то шумная стайка подростков. Я обогнул Исторический музей и свернул на Никольскую. В небе сияло уже по-весеннему теплое солнце, но возле фасадов домов еще искрился

пушистыми холмами сметенный дворниками с тротуара снег. Миновав «Никольские ряды», я прибавил шаг. А вот и «Кофейный дом» приветливо манит посетителей золотистой вывеской. Мне сюда.

Заняв свободный столик возле окна и заказав у улыбчивой девушки-официантки чашку эспрессо, я украдкой оглядел зал. Интересно, кто из посетителей может оказаться агентом Беккера? Женщина средних лет с маленькой непоседливой девочкой, увлеченно поглощающей мороженое, скорее всего отпадает, равно как и переговаривающаяся вполголоса влюбленная парочка за соседним столиком. Остается только похожий на банковского клерка лысеющий мужчина в очках, читающий разложенную на столе газету. Часы показывали без десяти два, я пришел чуть раньше назначенного времени, поэтому посланник мог появиться с минуты на минуту. Отхлебнув кофе, я приготовился ждать.

Мягкая расслабляющая музыка и терпкий аромат любимого напитка смешивались в причудливый коктейль. Несмотря на то что я старался отхлебывать кофе маленькими глотками, крошечная чашечка быстро опустела, и я заказал вторую. Похоже, агент Берндта Беккера не отличался английской пунктуальностью: стрелки переползли уже на пятнадцать минут третьего, а он пока так и не объявился. В кафе зашли два студента – длинные челки, узкие, по последней моде, джинсы – и скрылись в соседнем зале. На посланцев службы внутренней безопасности Пограничной стражи они никак не походили. И снова потянулись минуты ожидания.

Спустя сорок минут и еще две чашки кофе я решил плюнуть и отправиться домой. Агент не придет, это уже очевидно. Наверное, что-то случилось, какие-то обстоятельства помешали назначенной встрече. А может быть, это я что-то напутал? Да нет же, все верно: Никольская, «Кофейный дом». Значит, у Беккера вышла какая-то накладка.

Попросив счет, я оставил в коленкоровой папочке оплату своего заказа и чаевые для улыбчивой девушки, терпеливо приносившей мне по кофейной чашке каждые пятнадцать минут. Направляясь к выходу, я снова окинул безнадежным взглядом полупустой зал и толкнул тяжелую дверь. По улице, как и прежде, сновала разношерстная публика, откуда-то издалека звучала приглушенная музыка и гнусавил искаженный громкоговорителем голос зазывалы, рекламирующего моментальные кредиты.

– Молодой человек!

Нагнавшая меня высокая девица в не по сезону коротенькой черной курточке и байкерских кожаных штанах выглядела несколько вызывающе. Разноцветная зелено-розово-фиолетовая челка, выбритые почти что наголо виски, ярко, словно углем, подведенные глаза. Крошечная металлическая заклепка в носу смахивает издалека на неопрятную бородавку. На шее – приметная татуировка в виде хитрого растительного орнамента. Картину эффектно дополняли уродливые бесформенные берцы на высокой шнуровке.

– Молодой человек, не подскажете, как пройти к метро?

– «Площадь Революции» – там, – махнул рукой я и отвернулся. Терпеть не могу уличных фриков. Не потому что они опасны, скорее, непредсказуемы. Подобная публика не брезгует побаловаться различными сомнительными веществами, под воздействием которых порою способна на неадекватные поступки. Лучше уж держаться от таких подальше.

– А ты меня не проводишь? – С ходу перейдя на «ты», незнакомка уверенно зашагала рядом. – Девушке опасно гулять одной в незнакомом городе.

Походка у девицы тоже оказалась своеобразная – шла она вразвалочку, немного при этом сутулясь. Так держатся штангисты-тяжеловесы или профессиональные спортсмены после длительной и изнурительной тренировки. Столь немодельная походка в исполнении молодой и довольно-таки стройной женщины показалась мне не то чтобы отталкивающей, а несколько неестественной. Я невольно отступил на полшага, но девица тут же пресекла попытку к бегству, крепко ухватив меня за локоть.

– Ты, кстати, на какой станции живешь? – деловито поинтересовалась она.

Я попытался высвободить руку, но тонкие пальцы держали цепко. Никогда не считал себя социофобом, однако подобная фамильярность со стороны незнакомых людей обычно вводит меня в ступор. Интересно, что ей все-таки нужно? Будет клянчить деньги, рассказав очередную душещипательную историю о похищенном кошельке и дожидающихся в далеком городе родственниках? Попытается втянуть в какую-нибудь подпольную секту? Или просто пьяна и ищет приключений? Я принюхался: алкоголем вроде не пахнет, зато едва заметно тянет горьковатым женским потом и какой-то незнакомой парфюмерией.

– А тебе зачем? – резко выдергивая из захвата локоть, откликнулся я.

– О, – мурлыкнула незнакомка, без особого успеха вновь пытаясь прижаться ко мне поближе. – А мне нравятся грубые брутальные мужики! Ты всегда такой или только по особым праздникам?

Долгие годы, проведенные на пограничной заставе в Центруме, приучили меня доверять собственной интуиции. Сейчас эта самая интуиция вроде бы не предвещала опасности, но что-то в происходящем все же казалось мне неправильным.

– Всегда, – отозвался я, решив не вступать в длительные дискуссии: авось отвяжется сама. – Скажи, что тебе нужно?

– Да вот, собираюсь остановиться у тебя ненадолго. Гостиницы в Москве пипец дорогие, никаких денег не хватит. Кстати, меня Лора зовут, будем знакомы.

От такой наглости я ненадолго потерял дар речи и изумленно уставился на девушку, явно наслаждавшуюся произведенным эффектом.

– Да ладно, Ударник, расслабься, – ухмыльнулась она после непродолжительной паузы. – Берндт говорил, что ты один живешь, значит, я никому не помешаю. Или все-таки завел себе подругу?

Берндт? Значит, вот это и есть опоздавшее на встречу доверенное лицо полковника Беккера?

– Самолет задержали, – без тени раскаяния произнесла Лора, продолжая ехидно улыбаться. – Да, чуть не забыла: он просил передать, что предложение о работе в Штабе все еще в силе. Ну так что, примешь постояльца?

– Поехали, – неохотно согласился я, с тоской вспомнив о разбросанной по всей квартире одежде. Все-таки одинокая жизнь, хотя и имеет свои неоспоримые преимущества, не способствует выработке хороших привычек.

* * *

– Тесновато, но уютно, – резюмировала Лора, окинув критическим взглядом мое скромное логово. На валяющиеся на полу предметы гардероба, которые я украдкой запихнул ногой под диван, пока она рассматривала обои и кактусы на подоконнике, девушка великодушно не обратила внимания.

– А вот пожрать нечего, – добавила она, по-хозяйски заглянув в холодильник.

– Там колбаса лежит, – доверительно сообщил я, – а в хлебнице еще остался батон.

– Пойдет, – кивнула Лора, завладела остатками «Докторской» и, взгромоздившись с ногами на табурет, принялась деловито сооружать гигантский бутерброд. Я достал из буфета чашки и бросил в них пару чайных пакетиков: после недавних посиделок на Никольской кофе уже совершенно не хотелось.

– Беккер ввел тебя в курс дела? – спросил я.

– В общих чертах, – с набитым ртом отозвалась Лора. – Извини, жрать хочу до усрачки. С утра куска во рту не было, чуть не сдохла с голодухи. Короче, знаю, что агенты Очага пытались взорвать чумную бомбу у тебя дома около трех лет назад, знаю, что они собираются повторить эту попытку в ближайшее время. Берндт пытался объяснить, почему именно здесь, но я ни хрена не поняла. Что-то связанное со временем, да?

– Да, – вздохнул я, стараясь не обращать внимания на ее грубоватую манеру речи. – Тамошние обитатели живут как будто задом наперед. Наше «завтра» для них уже «вчера». То, чему у нас только предстоит случиться в будущем, у них уже произошло. Потому они и лезут сюда так настырно, вместо того чтобы выбрать место потише и поукромнее.

– Хрень какая-то, – запихав в рот очередной кусок колбасы, пробурчала Лора. – Но звучит прикольно. Что думаешь делать?

– Понятия не имею, – пожал плечами я. – У меня нет никаких идей, разве что залить квартиру бетоном под потолок.

– Не вариант. – Девушка, по всей видимости, приняла мою шутку всерьез. – Частный дом еще можно спалить на хрен или разобрать по бревнышку, а вот твою хрущевку трогать опасно. Соседи не оценят. Хотя скоро ее один фиг снесут. В рамках этой… Как, блин, ее… Реновации, вот.

– Разумный довод, – согласился я, подумав мимоходом, что на этот раз от проекта сноса хрущевок будет хоть какая-то реальная польза. – Поэтому я и хотел посоветоваться с Беккером. Возможно, он сумеет раздобыть нужную информацию. Я понятия не имею, как станут действовать агенты Очага, где именно они попытаются проникнуть на Землю и кто на этот раз поможет им протащить сюда бомбу. Да и людей, чтобы организовать круглосуточную охрану квартиры, у меня нет.

– Совсем нет?

Я задумался. Ведьма уже давно на пенсии, и вряд ли от нее будет толк, в ее-то почтенном возрасте. Хмель все еще восстанавливается после ранения, а Дед и так натерпелся во время наших недавних похождений. Да и ребенок он еще, хоть и пытается строить из себя взрослого мужика. Калька? Она, конечно, примчится на помощь по первому зову, но сейчас ее присутствие все-таки нужнее выздоравливающему Хмелю. Кроме того, хорошенько прислушавшись к собственным мыслям и чувствам, я пришел к выводу, что совершенно не хочу впутывать Кальку в новую авантюру с абсолютно непредсказуемым финалом. А значит, придется выкручиваться в одиночку. Впрочем, мне не привыкать.

– Совсем нет. Да и не помогут нам несколько человек, тут целая армия нужна. Проще было бы вообще перекрыть все порталы из Центрума на Землю, если бы это было возможно…

Лора сидела на табурете, глядя перед собой, и задумчиво покусывала черенок чайной ложки.

– А ведь это идея, – наконец произнесла она.

– Чего?

– Если исключить саму возможность открытия земными проводниками порталов в Центрум и обратно, агенты Очага не смогут пронести сюда свой груз, логично?

– Положим.

– Так вот это можно сделать. Ну, чисто теоретически.

– Как это? – немного опешил я. Подобное совершенно не вписывалось в привычную мне картину мира. Перекрыть все порталы, которые способны создавать усилием воли люди-проводники в разных уголках Земли? Но каким образом?

– Некоторое время назад в Ректорате жил ученый по имени Ласс Хольте, – сказала Лора. – Чуваки из Департамента разведки Пограничной стражи выяснили, что он проводил всякие заумные исследования, только вот подробностей мы не знаем. Что-то мутил он там с порталами, если я правильно помню. Хотя нет, кой-чего все-таки известно. Есть информация, что он добился определенных успехов, а потом вдруг сбежал из Лореи в Краймар. Последний раз наши агенты видели его несколько лет назад в Венальде.

– Предлагаешь его разыскать?

– Похоже, это наш единственный шанс, Ударник. – Лора посмотрела на меня с неожиданной серьезностью. – У Корпуса пограничной стражи сейчас недостаточно ресурсов, чтобы перекрыть Очагу все возможные лазейки. А если им снова удастся пронести бомбу на Землю… Тогда всему конец, понимаешь? По-любому нам нужно двигать в Венальд и искать там Хольте. Берндт говорил, что это самый верный вариант. А я ему доверяю.

– Легко сказать, – поморщился я, – если ты не в курсе, в Центруме сейчас идет война. Я вон до Марине так и не смог добраться…

– Я в курсе. У тебя загранпаспорт есть?

– Нету. Зачем он мне? На заставу меня до сих пор пускали и без заграна.

– В Краймар можно попасть, например, из Калининграда, – терпеливо пояснила девушка. – Но чтобы доехать туда на машине или поезде, нужен загран. Так что если его нет, остается самолет… Слушай, Ударник, а у тебя чего-нибудь покрепче чая найдется?

– В буфете, кажется, коньяк был, – неуверенно сообщил я.

– Тащи! И рюмки тащи, я в холодильнике лимон видела. Кстати, комп с интернетом у тебя есть?

– Ноутбук пойдет?

– Пойдет. Давай его сюда, будем билеты заказывать.

Глава 2

В аэропорту, как всегда, было людно и суетливо. Здание наводнили пассажиры с чемоданами-тележками и галдящими детьми, на жестких металлических лавочках дремали встречающие и провожающие граждане. Механический женский голос, зачитывавший информацию о прибытии и отправлении рейсов, терялся в неразборчивом гомоне и шарканье сотен ног. Тем не менее возле стойки регистрации авиакомпании-лоукостера «Триумф» никого не оказалось – приветливая девушка в строгой форменной жилетке приняла у нас паспорта, мельком взглянула на распечатку электронных билетов и выдала посадочные талоны, пожелав счастливого пути.

– Ты чего такой смурной? – пихнула меня в бок Лора. – Рожа кислая, как будто дерьма наглотался. Давай-ка взбодрись, граница!

Я решил промолчать. Во-первых, я совершенно не выспался: накануне, покончив с оформлением билетов, моя новоиспеченная квартирантка проследовала в ванную, где включила душ и минут сорок исполняла какие-то душераздирающие арии, отчетливо доносившиеся даже сквозь плотно закрытую дверь. Слуха она была лишена начисто, равно как и голоса: мне, с моим музыкальным образованием, ее пронзительные вопли и повизгивания казались форменной пыткой и страшно действовали на нервы. Потом Лора принялась бродить по квартире, нарядившись в экспроприированную из шкафа короткую футболку и намотав на голову мое любимое банное полотенце на манер чалмы. Поглядывая исподтишка на свою гостью, я отметил, что ноги у нее все-таки вполне стройные, хотя бедра показались мне излишне широкими и мускулистыми. На

лодыжке обнаружилась еще одна татуировка – в форме паука.

Наконец Лора угомонилась, устроившись в кресле с моим ноутбуком. Почти до полуночи она просматривала картинки в Сети, освещая потолок то и дело вспыхивающим экраном и время от времени похрюкивая от смеха. Пытаясь задремать, я несколько раз подскакивал от резкого грохочущего звука – это Лоре внезапно приходило в голову запустить на «ютьюбе» клип какой-нибудь рок-группы, звучание которой напоминало визг циркулярной пилы или предсмертные хрипы парового пресса. Сон одолел меня только ближе к утру, а с рассветом я проснулся с тяжелой, будто налитой свинцом головой. Лора беззаботно похрапывала в кресле, свернувшись калачиком в обнимку с моей «Тошибой». Прошлепав в ванную, я с раздражением обнаружил, что побриться мне сегодня нечем: мой последний одноразовый станок наглая девица без разрешения приватизировала еще вчера. В этот момент я впервые всерьез задумался, станут ли власти преследовать человека, совершившего убийство на Земле и решившего скрыться от правосудия в Центруме.

Сборы были недолгими. Лора оставила свои пожитки в камере хранения в аэропорту, а мои вещи всегда ждали наготове. Наспех позавтракав в чебуречной на углу, мы двинулись в путь. Лора пребывала явно в приподнятом настроении и всю дорогу что-то напевала себе под нос, я же попытался хоть немного подремать в метро, впрочем, без особого успеха.

Поначалу все шло на удивление хорошо, а вот в момент сдачи багажа – двух вместительных рюкзаков, набитых необходимой в Центруме всячиной, – возникла непредвиденная заминка.

– У вас превышение нормы, – сообщил нам принимавший сумки и чемоданы смурной парень в форменной жилетке, – придется доплатить за багаж.

– Слышь, вообще-то на вашем сайте написано, что максимальный вес бесплатного барахла на одного пассажира – десять килограммов, – возразила Лора, – а у нас тут девять с небольшим, я специально проверила.

– Вы невнимательно читали, – скривился парень, стараясь тем не менее сохранять вежливый тон, – багаж по сумме трех измерений не должен превышать 158 сантиметров. А ваши торбы – явный негабарит. Или платите, или переупаковывайте рюкзаки согласно правилам. Кстати, за ручную кладь с вас

еще две тысячи рублей. Касса рядом.

– Какого хрена? – возмутилась Лора. В качестве ручной клади, которую она собиралась взять на борт самолета, у нее имелся маленький кожаный рюкзачок со всякой полезной мелочовкой.

– Инструкции такие. С собой можно пронести дамскую сумочку, а у вас рюкзак. С рюкзаком нельзя.

– Он небольшой!

– Все равно нельзя. Читайте внимательнее правила авиакомпании «Триумф», – назидательно произнес парень, извлек откуда-то небольшую потрепанную брошюрку, перелистнул несколько страниц и с выражением процитировал: – «Под дамской сумочкой понимается небольшая сумка прямоугольной или продолговатой формы, предназначенная для переноски мелких подручных предметов или косметики, которая может быть оснащена плечевым ремешком или цепочкой». Вот!

Он окинул нас победным взглядом и вынес окончательный вердикт:

– А тут целых два ремешка! Поэтому с вас две тысячи рублей, по одной тысяче за каждый, и доплата за багаж.

Топтавшийся в очереди за нами пузатый и обильно потеющий мужик принялся недовольно переминаться с ноги на ногу и сопеть, демонстративно поглядывая на часы.

– Пойдем, пока в кассе никого нет, – вполголоса предложил я, потянув Лору за рукав.

– Черта с два! – гордо отозвалась та, скинула с плеча рюкзачок, ухватилась покрепче за лямку и с силой дернула ее на себя. Толстая кожа издала жалобный треск, и лямка осталась в ее руке. Лора швырнула ее на пол.

– Видал? – обернулась она к слегка обалдевшему парню, косившемуся на нее с явной опаской. – Теперь это гребаная дамская сумочка! Так нормально?

Присев на корточки, Лора расстегнула большой рюкзак и принялась выкладывать из него вещи прямо на ленту транспортера. Она скатала в трубочку и запихнула в свою новообретенную «сумочку» несколько футболок, тонкий свитер, пару комплектов нижнего белья, затем нацепила на себя две хлопковые рубашки – одна на другую, на них надела брезентовую куртку, поверх которой с трудом натянула короткую кожанку. Застежка-молния теперь никак не желала застегиваться на животе.

– Чего смотришь? – бросила она мне через плечо. – Делай как я, или собираешься раскошеливаться, как требуют дурацкие правила этого «лохкостера»?

Спустя несколько минут рюкзаки заметно ужались в размерах, и представитель авиакомпании с недовольным выражением на физиономии прикрепил к ним багажные бирки. Я понемногу расслабился, посчитав, что самое неприятное уже позади. И, видимо, зря. Следующим этапом квеста под названием «попробуй попасть в самолет» был предполетный досмотр. Мы традиционно сняли обувь, положив ее в заботливо предоставленные сотрудниками аэропорта лоточки для кошачьего наполнителя, бросили ручную кладь на ленту транспортера, я выгреб из карманов ключи и прочую железную мелочь, после чего смело шагнул в рамку металлоискателя, оглушительно взвывшую при этом голодным степным волком.

– Что у вас там? – строго обратился ко мне суровый охранник.

Я сунул руку в карман штанов и похолодел. Нож. Чертов складной перочинный нож, без которого в Центруме решительно невозможно обойтись и который я попросту запамятовал выложить из кармана перед отъездом.

– Вот… – сказал я, доставая запрещенный предмет.

– Вы собирались пронести это в самолет? – На мрачной физиономии охранника появилось кровожадное выражение, какое бывает у борзой, почуявшей зайца.

– Нет, просто забыл сдать в багаж. Могу оставить его прямо здесь.

– Боюсь, вам придется пройти со мной, – с металлом в голосе заявил охранник и аккуратно, но крепко ухватил меня за локоть. Под любопытными взглядами пассажиров я, как и был босиком, пересек зал ожидания и оказался в служебной зоне аэропорта. По дороге к нам присоединились еще несколько человек в

форме.

* * *

– Что ж вы так, Иван Антонович?

Сидевший в глубоком кресле толстый таможенник был наигранно доброжелателен и весел. Кажется, вся эта ситуация стала для него желанным развлечением в череде наскучившей ежедневной рутины.

– Да вот, выложить забыл… Извините…

Я опустил очи долу и постарался продемонстрировать искреннее раскаянье и смирение.

– Выложить забыл, – передразнил меня таможенник. – На регистрации вон комедию устроили, теперь еще это… А я вот сейчас протокольчик изъятия оформлю. По всем правилам. После этого и полетите, только уже следующим рейсом.

– А нельзя его просто в помойку выбросить? – робко поинтересовался я. – Ну, как будто и не было ничего?

– А вот нельзя! – осклабился таможенник. – Никак нельзя! Во всем должен быть порядок, Иван Антонович. Не будет порядка – будет бардак в стране. Изъяли у вас запрещенный к перевозке предмет, значит, нужно оформлять. А это займет время, сами понимаете. С другой стороны, вы же на самолет опаздываете…

Он выжидающе посмотрел на меня. Складывалось ощущение, что таможенник тянет время, намекает, даже понятно на что, только вот боязно как-то: черт знает, чего он выкинет в следующую минуту.

– И что, никаких вариантов? – бросил пробный шар я.

– Если только в багаж ваш ножик сдать. В багаже его провозить можно.

– Так я уже оформил багаж. Мне и талон выдали.

– Ну, это как раз не проблема, – довольно засопел таможенник, – сейчас я позову помощника, вы вместе пройдете в погрузочную зону, отыщете ваш рюкзачок и ножичек тихонечко в него спрячете. Туда вообще посторонним нельзя, но для вас мы сделаем исключение. Я же с пониманием, все ради пассажиров. Двести долларов это будет стоить, всего ничего. Договорились? Ну, вот и отлично. Кириллов!

Явился Кириллов, долговязый малый со скучным лошадиным лицом.

– Проводи молодого человека в транзитную.

Долговязый молча развернулся и зашагал прочь. Похоже, подобный спектакль разыгрывался тут не впервые, и роль свою этот нескладный парень выучил уже наизусть. Ну что ж, я тоже, можно сказать, артист, хоть и другого жанра. Выступлю в этой комедии со своей партией.

Мы миновали несколько дверей, преодолели узкий коридор и оказались в просторном и прохладном зале, заваленном горами рюкзаков, сумок и разномастных чемоданов на колесиках, замотанных полиэтиленом, как египетские мумии бинтами. Кириллов подвел меня к бесформенной груде багажа, кое-как наваленной прямо на цементном полу, и сделал приглашающий жест рукой. Свой рюкзак я отыскал практически сразу, и через мгновение нож исчез в его боковом карманчике, надежно закрытом брезентовым клапаном.

– Давайте, – протянул мне свою заскорузлую лапу Кириллов.

– Да вы чего, очумели, что ли? – выпучил глаза я. – Начальник вон ваш только что у меня последние двести баксов забрал, теперь еще и вам плати? Вы меня совсем без штанов оставить хотите?

Кириллов вполголоса чертыхнулся, махнул рукой в сторону – «выход там» – и вприпрыжку умчался куда-то в сторону служебных помещений. Я же, не теряя времени, отправился искать дорогу обратно в зал отправления – до вылета оставалось всего ничего.

Лору я обнаружил в толпе ожидающих пассажиров спустя пару минут, а еще через минуту нас настиг запыхавшийся и раскрасневшийся таможенник в сопровождении долговязого Кириллова.

– Иван Антонович! – укоризненно позвал он меня по имени-отчеству. – Вы ничего не забыли, не перепутали?

– О чем вы? – сделав невинное лицо, спросил я, из последних сил стараясь совладать с душившими меня приступами смеха.

– Я о деньгах.

– О каких деньгах?

– За нож.

– За какой нож?

Я наивно и широко улыбнулся. Таможенник несколько секунд пристально вглядывался мне в лицо, словно пытаясь обнаружить там признаки раскаянья, а потом, процедив сквозь зубы: «Вот с-с-сука!», развернулся и понуро зашагал прочь. Я помахал ему вслед рукой.

Посадку объявили еще через четверть часа. Новенький сверкающий автобус отвез нас к белоснежному «Боингу» с голубым килем и наименованием авиакомпании, выведенным на фюзеляже синей краской. Очаровательная стюардесса встретила нас у трапа, проверила посадочные талоны и любезно указала места в противоположных концах салона.

– А нельзя ли нам сесть рядом? – на всякий случай уточнил я.

– Нет, это исключено. – Стюардесса одарила меня обворожительной улыбкой и дежурно пояснила: – Авиакомпания «Триумф» делает все возможное для комфорта и удобства наших пассажиров. Если вы желаете лететь вместе, при оформлении электронного билета вам следовало оплатить дополнительный взнос.

– Может, у нас получится поменяться с кем-то местами? – уже теряя надежду, спросил я.

– Ни в коем случае! Это категорически запрещено правилами авиакомпании «Триумф»! – твердо заявила стюардесса. – Если вы попытаетесь уговорить кого-то занять ваше кресло, я сообщу об этом командиру экипажа, он вызовет полицию, и вас незамедлительно арестуют. Проходите, пожалуйста, не задерживайте вылет.

Что ж, пару часов можно и потерпеть. Переглянувшись с Лорой, мы направились к своим местам согласно записи в посадочных талонах. Самолет показался мне чистеньким и аккуратным, только вот расстояния между сиденьями были рассчитаны, судя по всему, на африканских пигмеев. По крайней мере я втиснулся в проем с огромным трудом, колени тут же больно уперлись в спинку впередистоящего кресла. А авиалайнер тем временем деловито готовился к взлету. Какую-то женщину с сумочкой слишком большого, по мнению экипажа, размера после недолгих препирательств шустро выпроводили на перрон. Следом за ней спустили с трапа долговязого парня, двухметровый рост которого также не вписывался в регламенты авиакомпании «Триумф», – для этого потребовались усилия сразу двух проводников, поскольку пассажир категорически отказывался добровольно покидать самолет. Капитан дежурно пробормотал приветствие, стюардессы пробежались по рядам, закрывая багажные полки и проверяя привязные ремни. Встречавшая нас у трапа девушка мимоходом пригрозила судебным иском возмущенному мужичку, на колени которому усадили чужого орущего младенца, и мы наконец порулили на взлет.

Минут через сорок у меня начала ныть затекшая спина, а ноги, которые я пытался пристроить в тесном проеме то слева, то справа, и вовсе занемели. Мне досталось место у самого прохода, а вот тем, кому не посчастливилось очутиться возле иллюминаторов, приходилось еще хуже. Какой-то женщине во время набора высоты сделалось дурно, но бортпроводники настоятельно велели ей терпеть – рвотные пакетики на рейсах «Триумфа» тоже оказались платными, причем их следовало приобретать заранее. Бесплатно можно было разве что посетить туалет – видимо, авиаперевозчик пошел на такую поблажку во избежание конфузов на борту лайнера. Некоторые пассажиры пытались переговариваться со своими отсаженными подальше спутниками через весь салон, однако строго следившие за порядком стюарды тут же пресекали подобные поползновения. Очень хотелось спать, но задремать из-за скрюченной позы, которую я принял в неудобном кресле, никак не получалось. Наконец мне

все-таки удалось кое-как умоститься на сиденье боком, подняв подлокотник, однако в ту же минуту кто-то грубо толкнул меня в плечо. Я открыл глаза: это, конечно же, была Лора.

– Ударник, хорош дрыхнуть, – сказала она, опускаясь на корточки прямо в проходе. – Давай лучше наши планы обсудим.

– Нечего пока обсуждать, – отозвался я, стараясь говорить тихо, чтобы не привлекать внимания соседей, – нужно сначала до Краймара добраться.

– А дальше?

– Там видно будет.

– Фу, какой ты занудный, – поморщилась Лора. – Как тебя твои погранцы на заставе терпели?

Если честно, мне совершенно не хотелось вести сейчас задушевные разговоры, да и в собеседниках я не нуждался. Тем более не было ни малейшего желания дискутировать с этой вздорной и наглой девицей, которая с каждой минутой все больше и больше действовала мне на нервы.

– Мои взаимоотношения с коллегами тебя не касаются, – отрезал я, – а что до планов на будущее, то они предельно простые и понятные. Разыскать в Венальде этого вашего ученого и вытрясти из него все, что знает. Дальше по обстоятельствам.

– Вот так вот просто, да? – фыркнула Лора. – Население Венальда – шестьсот тысяч человек. Как искать будем?

– Каком кверху. Если он ученый, о нем должны знать коллеги. В столице есть университет, наведем справки там. В конце концов, можно обратиться в полицию… Ну или попросить помощи у Пограничной стражи.

– Нету у Корпуса никакой информации, я наводила справки в Штабе. Придется выкручиваться самим.

– Значит, будем выкручиваться, – сказал я и отвернулся, показывая, что разговор окончен. Но Лора и не думала убираться восвояси. Что-то тихонько звякнуло, и я ощутил прикосновение к моей ладони прохладного металла.

– Кстати, чуть не забыла. Это тебе от меня и Берндта.

Часы. Советский механический «Луч», простой и надежный, как автомат Калашникова, на толстом ремешке из натуральной кожи. Корпус и стекло в отличном состоянии, не заметно ни царапин, ни каких-либо других следов эксплуатации. Явно куплены у коллекционера либо очень хорошо отреставрированы.

– Зачем это? – немного растерялся я.

Лора с некоторым сомнением заглянула мне в глаза.

– Ударник, какое сегодня число?

– Ну, положим, двадцатое…

Черт. Я идиот. Интересно, как я мог забыть?

– С днем рождения, Ударник.

А ведь мне сегодня тридцать восемь. Это как минимум половина жизни, а может быть, даже больше. И вот, преодолев этот важный рубеж, я толком не нажил себе ни верных друзей, ни заклятых врагов. Нет, у меня все-таки есть соратники – Хмель, Калька, Дед, вместе с которыми съеден не один пуд соли, пройдены и огонь, и вода, и медные трубы. Это надежные боевые товарищи, готовые подставить в трудную минуту плечо, прийти на помощь, поддержать. Но у каждого из них своя жизнь, своя судьба и своя дорога. Наши пути волею мироздания пересеклись лишь в Центруме, и центром притяжения стала шестнадцатая пограничная застава. Именно она связывала нас, сцементировала, спрессовала в монолит, сделав единым целым, сплоченным отрядом, командой. Но застава исчезла в огне пожара, и наши пути разошлись. Так получилось, некого в этом винить. Пограничники всегда отличались самодостаточностью и независимостью, без этого в Центруме не выжить. Что же до врагов… Сейчас

наш враг – Очаг. Но это не мой личный враг, он у нас один на всех, как небо над головой. От того, сумеем ли мы его одолеть, зависит наше общее будущее. Черт побери, да откуда взялись сомнения? Должны победить. Нет у нас другого выхода…

Часы удобно легли на запястье. Я выдвинул барашек механизма и чуть подвел стрелки. Нужно не забыть перевести их, когда окажемся в Центруме – время там немного бежит впереди нашего, земного, хотя продолжительность суток точно такая же. Да уж, напоминание о сегодняшнем празднике изрядно выбило меня из колеи и подпортило настроение. Неудобно как-то получилось: даже не поблагодарил девчонку за столь неожиданный подарок. Я оглянулся: Лора вернулась в хвост самолета и заняла свое место, с независимым видом уставившись в иллюминатор. Неужто обиделась? Нужно будет при случае как-то загладить свою вину…

Самолет неторопливо плыл над облаками, а я все никак не мог найти положение, в котором мне удалось бы расслабиться. Невольно вспомнилось недавнее путешествие в тесной кабине броневика по клондальским степям: даже это примитивное изделие сурганской военной промышленности казалось мне сейчас гораздо более комфортным по сравнению с «триумфовским» лайнером. При воспоминании о недавних приключениях я вновь погрузился в раздумья о делах наших насущных. Если этот ученый… Как его там? Так вот, если он в действительности изобрел способ лишить всех проводников возможности открывать порталы в Центрум и обратно, это в корне изменит нынешнюю картину мира. Проводники на Земле останутся не у дел, а кто-то из них наверняка застрянет в Центруме. Сейчас я даже не представлял себе, каково это – навсегда утратить возможность открывать проход в центральный мир нашей Вселенной. Центрум стал для нас вторым домом, и, хотя большинство проводников предпочитали все-таки жить на Земле, регулярные визиты в сопредельный мир необходимы каждому из нас как воздух. Не можем мы подолгу обходиться без унылых клондальских степей, зеленых холмов Цада, бескрайних рапсовых полей Сургана и ласковых морских волн джавальского побережья. Каждый, кто впервые в жизни ступает в этот мир, навсегда оставляет там свое сердце.

Одеревеневшие от долгого пребывания в тесном и неудобном кресле мышцы болели все сильнее и сильнее, и я, стиснув зубы, с трудом дождался начала захода на посадку. Зад я уже почти не чувствовал, а поясница ныла так, будто я перетаскал на собственном горбу не меньше сотни мешков с булыжниками.

Терпеть это мучение не было уже никаких сил. Я кое-как умостился на жестком сиденье боком и с облегчением вытянул затекшие ноги в проход.

– Сядьте как положено! – строго приказала мне оказавшаяся поблизости стюардесса. – Чего раскорячились?

– Послушайте, почему вы так со мной разговариваете? – возмутился я. Накопившаяся за время полета усталость понемногу трансформировалась в закипающую где-то внутри обиду и злость, требовавшие немедленного выхода. Да и порядком отвык я уже, признаться, от такого откровенного хамства.

– Потому что вы нарушаете правила поведения на борту воздушного судна, – ледяным тоном ответила стюардесса. – Немедленно уберите ноги с прохода!

– И не подумаю, – фыркнул я, – в ваших креслах просто невозможно сидеть! Когда я покупал билет на этот чертов самолет, я рассчитывал хоть на какой-то комфорт.

– А комфорта вам никто и не обещал, – сообщила появившаяся невесть откуда вторая стюардесса, – вас обещали только доставить в пункт назначения. Во время посадки проход должен быть свободен для возможной эвакуации пассажиров. Уберите ноги.

– Мне некуда их деть.

– Это ваши проблемы. И если вы не будете подчиняться распоряжениям членов экипажа, проблем у вас скоро прибавится.

Это прозвучало как откровенная угроза.

– Девушка, милая, давайте сделаем так: я пока посижу, как мне удобно, а если пассажирам вашего летающего корыта срочно потребуется эвакуация, я немедленно выполню ваши требования.

– Я вам не девушка. И тем более – не милая.

– Да уж, я это заметил, – против своей воли огрызнулся я.

– Поговорим после посадки, – зловеще пообещала мне вторая стюардесса и вместе со своей напарницей скрылась за занавеской, отделявшей служебный отсек от пассажирского салона.

За пререканиями я и не заметил, как под крыло «Боинга» неторопливо заползла рваная полоса побережья, и грязно-серая гладь Балтики сменилась не менее грязной желтой равниной, расчерченной бурыми квадратами еще не вспаханных полей и тонкими линиями дорог. С высоты эта панорама напоминала марсианскую поверхность, снятую камерой автоматического межпланетного зонда. Где-то под потолком мелодично звякнуло, и ожившие динамики прогнусавили о готовности к посадке, напомнив о необходимости пристегнуть ремни. Самолет заложил пологий вираж и, чуть помедлив, гулко застучал колесами по стыкам взлетной полосы.

– Вам придется задержаться, – обратилась ко мне невесть откуда возникшая стюардесса.

– Это еще зачем?

– Все вопросы будете задавать потом, – невозмутимо заявила она.

– Ну, это уж слишком, – произнес я, поднимаясь на негнущихся коленях. – Я требую уважительного отношения и соблюдения моих прав!

– Немедленно сядьте на место! – взвизгнула бортпроводница. – Займите свое кресло и не покидайте его до остановки самолета у терминала, иначе я вызову полицию!

– Да вызывайте хоть американский спецназ, – отозвался я, – а еще лучше позовите сюда капитана.

– Делать капитану больше нечего, кроме как время на вас тратить, – бросила мне стюардесса и гордо застучала каблучками в сторону кабины. Навстречу ей уже спешила Лора.

– Ты чего буянишь? – спросила она, очутившись рядом. – Неприятностей захотел?

– Да весь этот полет – одна сплошная неприятность, – мрачно ответил я.

Тем временем «Боинг» замедлил свой бег и остановился на краю стоянки, шум двигателей заметно стих. В иллюминаторах уже угадывался бело-оранжевый фасад аэропорта Храброво.

– Гражданин! – грозно донеслось откуда-то из-за моей спины. – Пр-р-ройдемте!

Я оглянулся. В хвостовой части салона топтались, мешая друг другу, четверо полицейских в сопровождении напарницы моей недавней собеседницы. Несколько пассажиров в предвкушении бесплатного представления тут же достали мобильные телефоны и приготовились снимать.

– Вот он, этот негодяй, – обратилась девушка к стражам правопорядка, показывая на меня пальцем, – выставлял ноги в проход, нарушал правила безопасности и требовал этого самого… Как его… Уважения и соблюдения каких-то прав!

Толстощекий полицейский в сержантских погонах решительно шагнул в мою сторону.

– А ну-ка быстренько встал и повернулся ко мне спиной!

В его руках тускло блеснули наручники.

В следующее мгновение в проходе между рядами кресел беззвучно вспыхнуло и заклубилось разноцветное облако. Кто-то испуганно вскрикнул. Лора ухватила меня за локоть, больно сжав тонкие пальцы, и толкнула вперед, прямо в густое радужное марево. Хороший у нее портал, широкий и стабильный, можно пройти практически не нагибаясь. Я невольно улыбнулся, представив себе, как прямо на глазах у изумленной публики мы растаяли в воздухе, скрывшись в медлительном водовороте открывшихся Врат. Теперь уж точно вопреки своему желанию мы сделаемся звездами «ютьюба». Долго будут потом обсуждать двух бесследно растворившихся в воздухе пассажиров пользователи интернета.

А еще через миг густая мгла рассеялась, и мне в лицо ударил холодный ветер Центрума.

Глава 3

– Придурок!

Лора даже не пыталась сдерживать свои эмоции.

– Идиот! Вот чего тебе стоило просто не лезть на рожон?

– Не люблю, когда со мной так обращаются, – сказал я.

– Не любит он… – Лора в сердцах сплюнула сквозь зубы и пнула подвернувшийся под ногу камень. – Зато теперь все наши шмотки там остались, в багаже. Деньги, теплая одежда, спальник…

– Куртка замшевая, три, – в тон ей добавил я.

Лора непонимающе уставилась на меня, а потом в сердцах выругалась.

– Ты вообще можешь думать хоть на пару шагов вперед? Или тебя только собственные амбиции беспокоят? Что отвернулся? Я с тобой разговариваю!

Я с ненавистью посмотрел на нее, но она спокойно выдержала мой взгляд.

– Из-за тебя вся наша затея может накрыться медным тазом! Мы тут остались с голой жопой, понимаешь ты это? А тебе насрать!

– Угомонись, не истери, – раздраженно проворчал я. Эта излишне эмоциональная отповедь жутко действовала мне на нервы, и потому я принялся с независимым видом оглядывать окрестности.

Перед нами, докуда хватало глаз, расстилалась холмистая заснеженная равнина. Меж холмов петляла узкая дорога с укатанной колеей, укрытая рыхлым снежным покрывалом. Далеко на севере в сгущающихся сумерках тускло мерцали огни – по всей видимости, там располагалась столица. Воздух был

холодным, красновато-розовый закат золотил последними отблесками заходящего солнца вершины гор у самого горизонта. Краймар – северная страна, и климат здесь куда прохладнее, чем в континентальном Клондале или Сургане. Потому несколько свитеров, надетых друг на друга еще в московском аэропорту, пришлись сейчас как нельзя кстати. Насмерть точно не замерзнем. Осталось только решить, как теперь быть со средствами к существованию – небольшой кожаный бумажник с некоторым количеством имеющих хождение в Центруме серебряных монет и вправду остался в багаже. А бесплатно тут, как и в любом другом относительно цивилизованном мире, можно получить разве что в морду, да и то не везде. По крайней мере столица Краймара – город Венальд считался среди выходцев с Земли местом не только культурным, но по совместительству – весьма дорогим.

– Блин, как я теперь назад-то попаду? – продолжала тем временем бушевать Лора.

Вопрос был отнюдь не риторическим: любому проводнику доподлинно известно, что открыть портал из Центрума можно только в то же самое место, откуда ты покинул Землю. Следовательно, если ей вдруг захочется домой, она непременно окажется посреди калининградского летного поля, на охраняемой территории, куда посторонним вход воспрещен.

– Вернешься с другим проводником, только и всего, – пожал плечами я.

– А если срочно драпать придется?

– Скажешь охране, что ходила пописать и заблудилась. Ну или спрячешься в багаже и перелезешь через забор, дело нехитрое. У нас сейчас другая проблема.

– И я даже знаю, как ее зовут, – фыркнула вздорная девица.

– Видишь огни? – протянул я руку, стараясь не обращать внимания на ее ехидные реплики. – По моим прикидкам, до Венальда отсюда километров пять, не меньше. То есть примерно час ходу. Если поспешим, успеем до темноты.

– А дальше?

– Будем искать убежище. Лично я в сугробе ночевать не собираюсь, а ты как хочешь.

С этими словами я развернулся и захрустел снегом по направлению к далекому городу, стараясь держаться колеи. Чуть помявшись, Лора поспешила за мной. Сняв повязанный вокруг шеи платок, она намотала его на голову на манер банданы, прикрыв разноцветную шевелюру, а высокий воротник и длинные рукава джемпера удачно маскировали татуировки. В результате этих нехитрых манипуляций девушка стала выглядеть почти как среднестатистический ничем не примечательный иномирец, коих в Центруме обитало во множестве и к которым все уже давным-давно привыкли. Появилась робкая надежда, что ее экзотическая внешность не будет привлекать к себе излишнего внимания.

К окраинам Венальда мы подошли уже после заката, когда на иссиня-черном небе высыпали крупные и колкие звезды. Предместья выглядели совсем не по-столичному: невысокие одноэтажные дома, стыдливо прячущиеся за каменными оградами, узкие улочки под скользкой коркой плотно утоптанного наста и почти полное отсутствие фонарей. Спрятавшееся за горизонт светило унесло с собой последние остатки тепла: резкие порывы ветра обжигали кожу ледяным дыханием и время от времени бросали в лицо пригоршни ледяного крошева. Я начал замерзать даже под двумя свитерами и теплой паркой, а пальцы ног в устойчивых к условиям Центрума кожаных башмаках так и вовсе превратились в сосульки.

В окнах некоторых домов теплился свет, но попроситься на ночлег казалось мне не слишком удачной идеей: к незнакомым путникам, да еще явившимся в Центрум откуда-то издалека, обитатели хижин наверняка отнесутся с опаской, а поскольку на дворе ночь – так и вовсе не откроют дверь. Нужно искать убежище, только вот в густеющей тьме разглядеть что-то совсем непросто. Немного помогал снег: его белое покрывало отражало скудные отблески света, чуть рассеивая мглу.

– Сюда, – прохрипел я севшим от мороза голосом и, шагнув в сторону от дороги, чуть не провалился в сугроб по пояс. Лора сопела где-то позади, стараясь ступать по моим следам.

Невысокие, занесенные снегом холмики, которые я заприметил еще с дорожной насыпи, оказались продуктовыми погребами, как я и рассчитывал. Сколоченные из грубых досок двери ближайших двух были заперты на ржавые амбарные

замки, у соседнего рухнул свод, обнажив неровную каменную кладку, а вот дальний оказался открыт, хоть и выглядел совершенно заброшенным. Чтобы отворить покосившуюся дверцу, пришлось сгрести в сторону целую груду снега, завалившего вход. В черное чрево погреба вела узкая каменная лестница, упиравшаяся в другую полуоткрытую дверь. Пошарив среди груды тряпья, что валялась на прибитой к стене кривой полке, я обнаружил огарок свечи в надтреснутой глиняной плошке и полупустой короб с фосфорными спичками. Запалить фитиль удалось далеко не сразу: спички отсырели и ломались в замерзших пальцах. Получилось только с третьей попытки. Освещая себе путь потрескивающим и дрожащим пламенем свечи, мы спустились вниз.

За второй дверью обнаружился тесный тамбур и еще одна калитка, обитая чем-то вроде древнего стеганого одеяла или полуистлевшего ватника – впотьмах не разберешь. Она вела в основную камеру погреба, пол которой покрывали потемневшие от времени доски. Никаких продуктов тут, конечно, не обнаружилось, зато в отгородке возле стены нашелся целый стог ароматного сена, а рядом валялось дырявое ведро. В нем я тут же развел небольшой костерок, воспользовавшись в качестве топлива подобранным под ногами деревянным хламом. Здесь, под землей, было относительно тепло – гораздо теплее, чем на улице, однако при дыхании изо рта все равно вырывались облачка студеного пара. Плотно прикрыв входную дверь, я поводил свечой под потолком и вскоре по трепыханию пламени обнаружил заткнутую соломой отдушину, откуда тут же вытащил импровизированную пробку, чтобы не угореть. В тамбуре я заприметил сломанные деревянные черенки от сельскохозяйственного инструмента и, кажется, еще останки древнего колченогого стула. Дров пока хватит, через часик натопим. Хорошо бы вскипятить немного талого снега да попить горяченького, чтобы не простудиться, только вот не в чем – хозяева заброшенного погреба не оставили нам никакой подходящей посудины. Костерок мирно потрескивал, распространяя вокруг вонь тлеющей сырой древесины, от которой у меня понемногу начали слезиться глаза. Самое время пожалеть о потерянном в аэропорту алюминиевом котелке и бездымной спиртовке.

– Как чуть прогорит, брось в угли пару вон тех булыжников, – посоветовала Лора, – тогда тепла на подольше хватит.

У входа действительно виднелась груда увесистых камней: по видимости, крестьяне использовали их в качестве гнета, когда квасили здесь капусту или какой-то другой провиант.

– Переночуем тут, а утром двинемся в город, – изложил свой незамысловатый план я.

– Вонять от нас будет, как от погорельцев, – сморщила нос Лора, покосившись на чадящее ведро.

– Ну, не как от золотарей, и ладно. Со временем выветрится.

Лора уселась на деревянную отгородку, обхватив колени руками. Дрожащее пламя отбрасывало на ее лицо зловещие малиновые отблески, а на стене за ее спиной бесновались густые черные тени.

– Ты раньше бывал в Краймаре? – спросила вдруг она.

– Не доводилось. А ты?

Она молча покачала головой.

– Климат у них тут паршивый, – решил поделиться своими скудными знаниями, – зимой очень холодно, а летом слишком жарко. Еще, говорят, пресной воды не хватает. В отличие от Онелли, где в предгорьях полно озер, тут в основном сухая лесостепь, а почва каменистая. До грунтовых вод не докопаться.

– Зато денег полно, – фыркнула Лора. Я пожал плечами:

– Так полезных ископаемых нет, природных ресурсов тоже почти не осталось, нужно же как-то выживать? Вот они и сделались финансовой столицей всего Центрума. Надо сказать, у них неплохо получилось.

– Там, где много денег, обычно полно полиции, и за порядком в таких местах следят пристальнее. Не вляпаться бы.

– Завтра разберемся, что тут к чему, – стараясь придать интонациям как можно больше уверенности, сказал я.

– Угу, только пожрать бы чего-нибудь сначала. Мне уже сейчас хочется.

У меня и самого в животе давненько урчало, только я старался терпеть и не подавать вида – в конце концов, сам виноват, что мы оказались в таком неприглядном положении.

– Нужно поспать, – решительно пресек я дальнейшую дискуссию, – утром чего-нибудь раздобудем.

* * *

Сон получился прерывистым и беспокойным. Сено, которое мы использовали в качестве постели, оказалось довольно мягким, но жутко колючим – отдельные сухие стебли так и норовили залезть за шиворот или уколоть в глаз. Под утро костерок потух, и погреб выстыл. После пробуждения с первыми лучами солнца я еще с полчаса вытряхивал из одежды налипшую тут и там солому. Вскоре в стогу завозилась, просыпаясь, Лора.

Выбравшись наружу, я растер физиономию снегом, чтобы окончательно прийти в себя. Солнце уже показалось над ломаной линией горизонта, небосвод на востоке сделался прозрачно-голубоватым, словно поверхность родникового озера. День обещал быть погожим и ясным.

Венальд показался мне совершенно не похожим на другие города Центрума. Архитектура краймарской столицы чем-то неуловимо напоминала земную восточную: стиснутые меж стенами домов узенькие мощеные улочки, убегавшие, изгибаясь, то вверх, то вниз, стрельчатые арки, древняя каменная кладка, грубая и шершавая на ощупь. Все это совершенно не вязалось с хрустящим под ногами снегом: такому пейзажу гораздо лучше подошли бы чахлые пыльные пальмы и вездесущий песок негевской пустыни.

В городе царило оживление: по переулкам сновали толпы народу, и я обратил внимание, что среди мелькающих тут и там плащей и сюртуков на глаза попадается очень много военных шинелей. Краймар не принимал участия в бушующей на континенте войне, предпочитая придерживаться нейтралитета. Местные банкиры умело этим пользовались, наладив тесную дружбу и с сурганскими военными, и с высокомудрыми учеными Лореи, и с религиозными лидерами Цада. Но чаще всего на улицах Венальда встречались, конечно, важные господа в офицерских мундирах сурганской армии: были среди них и представители инфантерии, и артиллеристы, и вояки с совсем уж незнакомыми

знаками различия. Пару раз я даже сумел разглядеть в толчее черную форму «вайбера» – военной разведки Тангола.

Голод давал о себе знать все сильнее. По мере приближения к центру на нашем пути попадалось все больше и больше лавочек, из недр которых доносились столь дивные ароматы, что я буквально захлебывался слюной. Хотелось заткнуть нос и зажмуриться, чтобы не поддаваться гастрономическим соблазнам.

– А вот и еда, – сообщила Лора, думавшая, по-видимому, о том же самом. Я взглянул в указанном ею направлении.

Возле приземистой ограды небольшого сквера притулилась кособокая церквушка, судя по надписи над воротами, освященная именем Первого Кузнеца, как и многие другие храмы Центрума. Здесь уже собралась, толкаясь локтями, небольшая толпа, состоявшая сплошь из одетых в лохмотья оборванцев разных возрастов и обоих полов. Дородный священнослужитель в длинной пурпурной тунике, ловко орудуя половником, разливал из помятой бадьи в картонные ведерца дымящийся бульон. Нищие, гомоня и переругиваясь, получали свою порцию, брели с добычей в сторону и, усаживаясь прямо на мерзлый тротуар, принимались жадно хлебать варево.

Даже не оглянувшись в мою сторону, Лора присоединилась к толпе, стараясь побыстрее пробиться к раздаче при помощи локтей, которыми она принялась деловито распихивать конкурентов. Мне не оставалось ничего иного, как пристроиться рядом. В конце концов, в нынешнем одеянии мы как нельзя больше походили на бездомных бродяг.

Похлебка оказалась жиденькой, но вкусной. В ней даже плавали кусочки каких-то мелко нарезанных овощей. На первое время проблема голода была решена, но вечно так продолжаться не может: даже в таком богатом континууме, как Краймар, на бесплатных подачках долго не протянешь.

– Может, какую-нибудь работенку на время найти? – задумчиво протянул я.

– Угу, наймись трубочистом, – громко отхлебнув из ведерка, усмехнулась Лора, – или ассенизатором. У тебя получится. Ты вообще чего-нибудь полезное делать умеешь, чувак? Ну, кроме как языком трепать?

– На барабанах играть умею, – неохотно признался я. – Потому и Ударник. Литаврист.

– Ну, так и подайся в кабак лабухом, – посоветовала она, – глядишь, через недельку накопишь на тарелку приличной жратвы.

Идея в целом была разумная. Помнится, вскоре после моего первого появления в Центруме я совершенно по-глупому потерялся на вокзале Антарии, куда привез меня Старик. Тогда я вполне успешно сколотил группу, с которой выступал в уютном заведении недалеко от центра клондальской столицы, и даже весьма неплохо на этом зарабатывал. Жаль, времени на раскачку у нас сейчас нет совсем. А деньги нужны, причем срочно. Положение, мягко говоря, аховое…

– Можно еще банк ограбить, благо их тут на каждой улице с десяток, – продолжала тем временем глумиться Лора, – ты грабить умеешь, Мендельсон?

– Не умею, – мрачно отозвался я.

– Ну и дурак.

Проходившая мимо бродяжка, закутанная с ног до головы в торчащие друг из-под друга, как капустные листья, цветастые накидки, оценивающе оглядела Лору, затем шагнула в ее сторону, ухватила девушку за локоть и быстро-быстро затараторила что-то неразборчивое. На нищую она не походила совсем: уши бродяжки украшали блестящие серьги, на шее виднелось намотанное в несколько слоев ожерелье из крупных зеленоватых камней, а во рту поблескивал ровный ряд золотых зубов.

– А джапу кар! – резко прикрикнула на нее Лора, выдергивая свою руку из цепких крючковатых пальцев. Бродяжка мгновенно умолкла, растерянно и испуганно глянула на мою спутницу из-под прикрывавшей голову пуховой шали и в следующий миг стремительно скрылась в толпе, непрерывно оглядываясь.

– Что ты ей сказала? – проводив странную женщину взглядом, полюбопытствовал я.

– Да просто послала в жопу.

– На каком языке? На джавальском?

– На цыганском. Ты что, не видишь, что она наша, с Земли? Тут ее сородичей полно. Среди цыган, между прочим, поразительно большое количество проводников, особенно женщин. Погоди-ка…

Лора задумчиво посмотрела вслед уже окончательно пропавшей из виду цыганке, потом повертела в руках опустевшее бумажное ведерце, перевела взгляд на точно такое же, которое я до сих пор сжимал в руке…

– Есть одна идейка, – решительно заявила она. – Допивай свою бурду, и пойдем. И найди-ка мне еще один такой стакан.

* * *

Краймарский язык очень похож на клондальский, которым я владею в совершенстве. Однако Лора, похоже, изучила краймарское наречие гораздо лучше меня. По крайней мере тараторила она на нем весьма бегло, не забывая при этом сыпать присказками и рифмовать на лету слова.

– Подходи, народ, здесь каждому везет! – звонко кричала она, и из ее рта вырывались клубы густого пара, словно из электрической сигареты модного хипстера-вейпера. – Испытай свою удачу, получи монет на сдачу! А за зоркий глаз – монета еще раз!

Если честно, я совсем не ожидал, что ее сольное выступление вызовет такой бурный ажиотаж: народу вокруг собралось изрядно. В общем-то на главной рыночной площади и без того царило оживление – обитатели Венальда неторопливо бродили меж торговых рядов, набивая корзины продуктами, тканями и мелкой домашней утварью. Расхваливали на все голоса свой товар зеленщики, осипшие от холода зазывалы приглашали дорогих гостей в окрестные трактиры, а менялы в ожидании клиентов гремели костяшками деревянных счетов. Но такое шоу жители краймарской столицы лицезрели, вероятно, впервые в жизни. Лора размотала свою бандану, из-за чего ее попугайская прическа привлекала еще больше внимания. На земле перед девушкой покоился огрызок доски, на котором донышками вверх стояли наши бумажные стаканчики от бульона.

– Эй, кручу-верчу, вас запутать хочу! – выкрикивала моя спутница. – Я приехала в Краймар, привезла с собой товар, товар прода?ла, для вас денег достала. Угадаете, где шар, получите гонорар!

Стаканчики в ее руках начали выписывать безумные круги по дощечке, и между ними заметался маленький шарик, скрученный из мягкой податливой ткани. Пару раз перебросив шар из одного ведерка в другое, Лора ловко поймала и накрыла его третьим стаканом. Я, стоя чуть позади, прекрасно видел, как, опуская ведерко, она незаметно спрятала шарик в ладони, прижав его мизинцем и безымянным пальцем. Больше этой хитрости, кажется, не заметил никто.

– Ну, кто угадает и удачу испытает? – Лора обвела насмешливым взглядом притихшую толпу.

– Тут он! – радостно потирая ладошки и чуть не подпрыгивая от азарта, ткнул пальцем невысокий востроносый старикашка, внимательно следивший за Лориными манипуляциями. Девушка протянула ладонь:

– Гони монету!

Медная монетка в пять краймарских левров со звоном исчезла в ее кармане. Лора перевернула и подняла пустое ведерко, демонстрируя его окружающим. В тот же момент незаметно разжав пальцы другой руки, она выпустила из ладони принявший прежнюю форму мягкий тряпичный мячик, одновременно приподняв соседний стаканчик. Толпа разочарованно выдохнула.

– Ну-ка, дедок, угадай еще разок! Только следи внимательней!

Стаканы снова принялись водить хоровод по дощечке, а азартный старикан вцепился в них колким внимательным взглядом.

– Лора, завязывай, а? – в очередной раз протянул я.

– Слышь, у тебя какая задача? Оттеснить в сторону публику, если кто возмущаться начнет, понял? – огрызнулась она по-русски. – Ну, вот и отвали, не мешай работать, моралист хренов.

Дед продул снова, но на третий раз неожиданно выиграл, вызвав одобрительный ропот среди зевак. Радовался он при этом совсем как ребенок, подпрыгивая и приплясывая на месте от нетерпения. Я подсчитал: к этому моменту из кармана старика в Лорины закрома перекочевало уже семь монет, а назад вернулось только три. За неполный час моя спутница заработала столько, что нам хватило бы на приличный ужин в каком-нибудь местном трактире, а на сдачу можно было снять жилую комнату где-нибудь на окраине.

Между тем игра продолжалась. Среди обывателей, окруживших место нашей дислокации плотным кольцом, то и дело отыскивался смельчак, готовый рискнуть парой медных монет, и Лора неизменно оказывалась в выигрыше. Умело манипулируя настроением толпы, она иногда уступала очередному зеваке, но вскоре снова пополняла свой капитал. Хоть мне и не нравилась вся эта затея с самого начала, я решил не вмешиваться. Оглядывая толкающихся вокруг, я подумал, что они не проявляют никакой агрессии: в их глазах горел лишь азарт и читалось обычное любопытство. Вот дородная женщина с корзинкой на локте внимательно следит за движениями бумажных стаканов, вот парнишка в картузе выглядывает из-за ее плеча, а вот пожилой солидный мужчина в полушубке любуется происходящим с едва заметной ироничной улыбкой. Кудлатый и чумазый лопоухий мальчонка высунул голову между ним и еще одним ротозеем, стремясь поглядеть поближе на бесплатное представление…

Не знаю, откуда у меня возникло ощущение, будто вокруг что-то не так. Словно какая-то заноза засела в подсознании, не давая покоя. Я еще раз оглядел толпу: напряженные лица, гомон множества голосов, пацаненок, разинув рот, глядит на Лору, словно на диковинного зверя, запустив руку в карман стоящего рядом седовласого мужика…

– Эй! – только и успел выкрикнуть я, как пацан, перехватив мой взгляд, пустился наутек, что-то сжимая в руке. Я рванул следом.

– А ну стой!

Не успеть. Мальчишка припустил настолько шустро, что я, задыхаясь, едва поспевал за ним. За спиной послышался громкий шум, кто-то коротко взвизгнул: похоже, растолкав толпу, за нами вдогонку бросилась Лора.

Переулок, еще один и еще. Лавируя между прохожими и лениво ползущими телегами, мальчишка удирал что было сил, поминутно оглядываясь. Еще минута, и я потеряю его из виду. Воришка метнулся в сторону. Длинная, как лисья нора, подворотня, глухой двор заканчивается невысокой каменной оградой. Бросив через плечо гулко звякнувшую добычу, сорванец с разбегу перескочил через изгородь, только его и видели. Задыхаясь, я привалился к грубой каменной кладке. В глазах плавали разноцветные круги, в правом боку предательски закололо. Переведя дух, я беспомощно сполз по неровной стене, протянул руку и поднял с брусчатки выброшенный малолетним преступником предмет.

Связка ключей с длинным, замысловатым брелоком, напоминающим по форме не то рыбу, не то комету с ажурным узорчатым хвостом. Не успел я хорошенько разглядеть добычу, как во двор, тяжело дыша, вбежала Лора.

– Чего там?

Я молча протянул ей находку.

– Понятно. Бумажник небось себе оставил, с-скотина. Поднимайся, сейчас сюда легавые нагрянут, а нам оно совершенно некстати.

Где-то поблизости и впрямь раздались переливчатые трели полицейских свистков.

Глава 4

– Ты хоть рожу его запомнил? – спросила Лора, когда мы, все еще тяжело дыша, вывернули из двора на соседнюю улочку.

– Кого, мальчишки?

– Да нет, мужика этого, у которого он ключи увел.

Связка ключей оказалась оснащена медным кольцом с удобным карабином, который я тут же пристегнул к поясу.

– Мужик как мужик, – пожал плечами я, – лет шестидесяти, хотя кто их, местных, разберет. Седой весь, лицо в морщинах. Одет неплохо по здешним меркам. Эх, жалко, что прохиндей этот только ключи выкинул…

– Да, скинул бы лопатник, было бы чем поживиться, – мечтательно протянула Лора, – раз одет богато, значит, денежки у него водятся…

– Слушай, ты серьезно? – с подозрением посмотрел в ее сторону я.

– Вполне. Деньги, как известно, не пахнут. И лишними не бывают.

– А чем ты тогда от этого воришки отличаешься? – Глядя на невозмутимую физиономию Лоры, я уже не мог сдержаться. – Сначала лохотрон на базарной площади устроила, теперь хочешь чужой бумажник присвоить…

– Але, гараж! – перебила меня девушка. – Сбавь обороты. Во-первых, мы реально чуть не сдохли с голоду. Ты чего-нибудь сделал вообще, чтобы денег на жратву раздобыть? Пошевелился? Не-е-ет, ты только мораль читать умеешь, да и это у тебя паршиво выходит. А я за пару часов приличную сумму насобирала, сечешь?

Лора с довольным видом похлопала себя по оттопыренному карману, и тот отозвался приглушенным звоном. Окинув меня победным взором, она продолжила:

– Между прочим, «колпаки» еще античные греки лихо крутили, а до них игрой в кубки в Индии промышляли. Так что это не лохотрон, а древнее искусство. Во-вторых, бумажник свой тот чувак сам пролупоглазил, нужно было за карманами следить. В толпе всегда щипачи работают, это закон природы. Мы же его не крали? Не крали! Следовательно, лопатник можно было бы считать честной находкой…

Меня от этой двойной морали слегка коробило, но я промолчал, понимая, что сам упустил инициативу, когда следовало что-то решить с пропитанием. Упрек в мой адрес был в общем-то справедливым. В итоге Лора взяла решение проблемы в свои руки, правда, выбрала для этого метод, который лично мне совершенно не нравился.

– Куда мы идем? – решив сменить тему неприятного разговора, спросил я.

– Сначала пожрем нормально. Потом – в ратушу.

– А туда зачем?

Лора посмотрела на меня так, словно видела впервые.

– Ударник, ты здоров? Башку, часом, не отморозил? Тогда пораскинь мозгами. В ратуше у нас что? Посадский совет и купеческая управа. Там можно навести справки обо всех жителях города. Справки канцелярия выдает любому желающему, но за деньги. А деньги у нас теперь есть. Как тебе логическая цепочка?

Логическая цепочка получилась безупречной, не придерешься.

– Чего-то я уже начал подзабывать местные реалии… – пробормотал я.

– А так бы сразу догадался, да? – ехидно уточнила Лора.

Некоторое время мы шли молча: по крайней мере я старался не вступать в дальнейшие дискуссии, чтобы не получить в ответ очередной поток язвительных замечаний. Прошагав по извилистой улочке пару сотен метров, Лора с решительным видом свернула в ближайший трактир, манивший прохожих дивными гастрономическими ароматами.

Краймарская кухня рассчитана на людей с крепким желудком: местные повара добавляют в блюда такое немыслимое количество специй, что с непривычки можно заработать изжогу. Самым популярным напитком здесь считается горячее вино с пряностями, правда, в отличие от земного глинтвейна оно намного крепче и совсем не сладкое. Расположившись в тепле таверны, мы принялись уплетать сочное печеное мясо с овощами, закусывая его свежеиспеченной сырной лепешкой. Опустошив между делом полкружки вина, Лора раскраснелась и, кажется, пришла в благостное расположение духа.

– Слушай, Ударник, а как ты в пограничники попал? – с самым что ни на есть невинным видом поинтересовалась она.

– Тебе зачем?

– Да просто не могу представить себе человека, меньше тебя подходящего для этой работы. Тебе бы действительно в оркестре каком-нибудь играть или ночным клубом заведовать. Короче, искусством заниматься, а не по полям с автоматом бегать. Не годишься ты, чтобы сапогами говно месить.

Я ухмыльнулся, не зная, обижаться мне на это замечание или пропустить мимо ушей. Самое неприятное, что подобное мнение я уже слышал от своих соратников. Тот же Алекс по прозвищу Поганый, царство ему небесное, не забывал высказывать такие измышления всякий раз, когда прикладывался к стакану, а делал он это с завидной регулярностью.

– Случайно попал, как многие другие.

– А конкретней?

– А конкретней, все как у всех. Открыл портал, встретил в Центруме командира шестнадцатой заставы, получил предложение влиться в стройные ряды пограничной стражи. Ну и согласился.

– Чего ж тебе на Земле-то не сиделось? Получил бы свою татуировку, и привет.

– А тебе?

– Ну, у меня особый случай… – задумчиво протянула Лора.

– Ага, то-то я смотрю, ты вся из себя такая особенная…

– Слышь, Ударник, – кажется, я все-таки сумел задеть ее за живое или же выпитое слегка ударило ей в голову, – вот если кто из нас двоих и корчит из себя особенного, то это как раз ты. Думаешь, ты у нас избранный, раз чуваки из Очага решили рвануть свою бомбу в твоей квартире, и поэтому я должна с тобой возиться, как с младенцем? Оберегать тебя от неприятностей и пылинки сдувать? Да ни хрена. Есть более простые способы решить этот вопрос.

– Например?

– Например, прихлопнуть тебя на фиг, и дело с концом. Нет человека – нет проблемы.

– И как это поможет делу? – Теперь уже этот диалог начал меня откровенно веселить. – Планы Очага завязаны не на меня, а на мое жилище. Если я исчезну, это только облегчит им задачу.

– Много ты понимаешь, – фыркнула Лора и, приложившись к кружке с вином, примиряюще произнесла: – Ладно, забудь, проехали. Доедай, и пойдем, пока эти бюрократы по домам не разбежались.

* * *

Городская ратуша напоминала костел с высокой, точно пожарная каланча, башней, увенчанной островерхим шпилем. К мощенной брусчаткой площади вели гранитные ступени, возле которых ожидало своих пассажиров не менее десятка конных экипажей и несколько паровых локомобилей. Людей здесь тоже было немало, причем праздношатающейся публики почти не наблюдалось: в основном по лестнице сновали вверх и вниз озабоченные своими проблемами посетители.

– Пойдем, – сказала Лора и, не оглядываясь, зашагала ко входу в здание. Мне пришлось поспешить, чтобы не потеряться в толпе.

Изнутри ратуша походила на любое другое присутственное место – сдается мне, они созданы по одинаковым лекалам во всех мирах. Массивные гранитные колонны, поддерживающие высокие своды, буквально подавляли своей монументальностью. Вытянувшиеся рядами дубовые двери тонули в полумраке, а в столбах света, льющихся наискосок из узких стрельчатых окон, танцевали пылинки. Сквозь мутное стекло едва виднелось небо с рваными лоскутами облаков. И нигде ни единого указателя. Оглядевшись по сторонам, Лора уверенно направилась к пожилому мужчине в темно-синем потертом сюртуке, который меланхолично подметал ковровую дорожку, не обращая ни малейшего внимания на спешащую по своим делам публику.

– Где тут справочная? – без лишних вступлений спросила она.

– На второй этаж по коридору налево, – заученно пробормотал уборщик.

– Спасибо, дед, – бросила через плечо Лора, устремляясь вверх по свежеподметенной лестнице.

Возле нужного нам кабинета уже собралось несколько человек, ожидавших своей очереди, однако Лора бесцеремонно растолкала их и с независимым видом прошествовала внутрь. Все пространство кабинета занимали стеллажи с тысячами картотечных ящиков, а на оставшемся возле окна пространстве громоздился застеленный сукном письменный стол. За столом восседал пухлощекий и рыхлый молодой человек с лицом недовольного младенца. На вздернутом носу чиновника красовались круглые очки с толстыми стеклами, сквозь которые он посмотрел на нас с явным пренебрежением. Застоявшийся воздух пах прелой бумагой и немного мышами.

– Чего изволите? – Голос хозяина кабинета оказался высоким и тонким, словно тот надышался гелием. Я с трудом удержался от идиотской улыбки. А вот Лора стесняться не стала:

– Мы ищем человека по имени Ласс Хольте, пупсик. Поможешь нам?

С минуту клерк растерянно хлопал глазами сквозь стеклянные линзы, а потом, проглотив «пупсика», пропищал:

– Десять левров, и без сдачи, пожалуйста.

Лора позвенела мелочью в кармане и протянула толстяку две медные монетки.

– И с чего бы всем вдруг понадобился этот Хольте?.. – пробормотал клерк, грузно приподнявшись со своего скрипучего стула, однако Лора ловко отдернула руку, спрятав деньги в кулаке.

– Стоп, стоп, стоп, зайчик, – ласково улыбаясь, произнесла она, – скажи-ка мне, а кто еще интересовался стариком Лассом?

Сквозило в ее улыбке что-то хищное, кровожадное, такое, от чего владелец кабинета зябко поежился, но все же не позабыл о своих служебных

обязанностях:

– Не могу сообщить. Не имею права. Это конфиденциальная информация.

Лора бочком уселась на краешек стола, сдвинув бумаги в сторону, ухватила клерка за уголок воротника и с силой притянула к себе.

– А если я очень попрошу, пупсик?

Тот шумно сглотнул и порозовел, вмиг покрывшись испариной.

– Н-не могу. Не положено…

– Вот что за мужики пошли, – фыркнула Лора, не выпуская тем не менее свою добычу из цепких пальцев, – стоит женщине чего-нибудь захотеть, так не могут. Придется принимать кардинальные меры.

Она ловко перекинула ноги через стол и, продолжая удерживать толстяка в полусогнутом положении, свободной рукой ухватила его за штаны чуть пониже пояса. Судя по тому, как розовая краска схлынула с его щек, уступив место мертвенной бледности, хватка у Лоры оказалась крепкой.

– А так?

– Ы-ы-э-э-о!.. – простонал чиновник, даже не пытаясь освободиться.

– Дай-ка я догадаюсь, – прервал я этот содержательный монолог. Честно говоря, смотреть на мучения толстяка мне было не слишком приятно: при виде сжатых пальцев моей спутницы у меня самого все холодело внутри.

– Блондинка, коротко стриженная, среднего роста, примерно вот такого. Говорит со странным акцентом. Да?

Клерк мелко закивал.

– Давно она тут была?

– Се… дня… Два… А-а-а…

– Сегодня, два часа назад?

Толстяк снова заколыхался, тряся головой в знак согласия.

– Отпусти его, Лора.

Я взглянул на подаренные часы. Да уж, чего-то подобного вполне следовало ожидать. Впрочем, фора у незваной гостьи не столь уж большая, если поспешить, может быть, удастся даже опередить ее.

– Это Эйжел, – сказал я по-русски.

– Та самая девушка из Очага?

– Да. И мне это совершенно не нравится.

Лора снова повернулась к своему пленнику.

– Адрес!

– Улица Цветочная, дом пять, – по памяти отбарабанил тот и жалобно проблеял: – Что-нибудь еще?

– Только один поцелуй, котеночек, – с хищной улыбкой потянулась к отшатнувшемуся клерку Лора и тут же, хохотнув, потрепала его по щеке. – Шучу, шучу, не напруди в штанишки! Пока, сладенький!

Послав ему воздушный поцелуй, она развернулась на каблуках и юркнула за дверь, оставив растерянного толстяка ошарашенно глядеть ей вслед. Я отметил про себя, что положенных за справку денег она так и не заплатила.

– Цветочная… Знать бы, где это? – задумчиво произнесла Лора, когда мы вновь очутились на улице.

– Западная окраина города, – сообщил я, – отсюда минут тридцать пешком.

– Ты же говорил, что никогда не был в Венальде? – Лора бросила на меня косой взгляд.

– Я и не был. Просто в отличие от некоторых я перед отъездом не музыку в интернете слушал, а карту изучил.

Она снова покосилась в мою сторону, но промолчала. Я улыбнулся: наглость и самоуверенность взбалмошной девицы изрядно меня достали, и эта маленькая шпилька в ее адрес приятно согрела душу.

– Ну, тогда веди, Сусанин…

И я повел. Прохладный ветер краймарской столицы доносил откуда-то издалека шум паровых машин и перекличку уличных торговцев. В воздухе витал смолянистый запах горелой древесины – горожане топили печи, спасаясь от студеного дыхания уходящей зимы. Солнце выбелило покрытую инеем брусчатку тротуаров, искрясь в ледяном крошеве, словно в россыпи драгоценных алмазов. Подумалось, что этот странный город, словно перенесенный каким-то чудом в краймарские снега из восточной сказки, таит в себе нечто притягательное, заставляющее сердце биться чаще. Венальд, как знающая себе цену красавица, умел очаровывать. Но для чужаков он холоден и неприступен.

– Ударник, – вдруг обратилась ко мне Лора. Посмотрела внимательно, пристально, словно видела впервые в жизни.

– Что?

– Да нет, ничего.

Снег звонко хрустит под ногами, словно кто-то с аппетитом грызет рафинад. Здесь он по-настоящему белый, гораздо чище, чем в Москве, где тротуары покрыты бесформенным серым месивом. Да и когда я в последний раз видел на Земле настоящий свежевыпавший, нетронутый снег? Уже и не вспомнить…

– Каков план действий? – решил на всякий случай уточнить я. Хоть мне и не слишком нравилась навязанная Беккером компания, но раз уж мы вынужденно работаем вместе, нужно как-то согласовывать свои решения, иначе можно нарваться на неприятности.

– А просто заявимся к этому профессору и сделаем ему предложение, от которого он не сможет отказаться, – легкомысленно пожала плечами Лора, – че тут думать-то?

– Думать всегда нужно, – назидательно возразил я, – например, о том, что он не захочет сотрудничать. Пытать его будешь?

– Заманчивая идея… – протянула девица. Вот что ты будешь с ней делать? – Ну а ты что предложишь, Ударник?

– Есть одна идея, – напустив на лицо загадочное выражение, ответил я.

* * *

Цветочная улица оказалась скорее переулком – узким и извилистым, терявшимся среди каменных фасадов уже через несколько десятков шагов. Стоило только свернуть в это рукотворное ущелье, и в нос ударил горьковатый хвойный запах, сразу навеявший мысли о новогоднем празднике. Почти так же в моем далеком детстве пахла картонная коробка с укутанными в присыпанную хвоей вату елочными игрушками, которую мама доставала из антресолей в последних числах декабря. Источник запаха обнаружился, когда мы добрались до цели: возле пятого дома был разбит небольшой палисадник, где росли, укрывая припорошенными снегом лапами каменное крыльцо, обычные земные ели.

К массивным деревянным дверям был привязан небольшой изящный молоточек, которым я и постучал по украшавшей лакированную поверхность косяка медной пластине. Спустя примерно минуту изнутри донеслись шаги, звякнул засов, и дверь приоткрылась, образовав узкую щель. В ней нарисовалась взъерошенная голова, и на нас настороженно уставилась пара светло-серых глаз.

– Господин Хольте? – изобразив на лице гримасу, которая, по моему мнению, должна была смахивать на вежливую улыбку, осведомился я.

– Нет! – довольно резко ответили с той стороны. – Профессора Хольте нет дома.

– С кем имею честь? – сохраняя прежний вежливый тон, поинтересовался я.

– Я его ассистент, Гвен Ки.

Не слишком-то приветлив этот самый ассистент. Интересно, какая муха его укусила?

– Очень приятно, Гвен. Меня зовут Йон, я корреспондент газеты «Вечерний Венальд». Мне очень хотелось бы побеседовать с господином Хольте…

– Профессор не дает интервью! – резко оборвал меня помощник ученого. – Тем более он не делится информацией о проекте «Шторм»!

Проект «Шторм»? Это что еще за чертовщина такая?

– Но я…

– Убирайтесь! – выкрикнул Ки и попытался захлопнуть перед моим носом дверь, но что-то ему помешало. Этим чем-то оказалась женская нога в грубом кожаном башмаке, просунутая в дверной проем.

– Послушай, мальчик, – сказала Лора, оттеснив меня плечом и шагнув в полуоткрытую дверь. – Мы тут подождем немного, пока профессор вернется, зададим ему пару вопросов и уйдем. Хорошо?

Помощник ученого и не думал возражать – он испуганно пятился по коридору, позволяя Лоре, а следом за ней и мне войти в дом. Короткая прихожая заканчивалась дверями, возле которых на невысоком столике красовалось отполированное до блеска металлическое блюдо, где посетители могли оставить свои визитные карточки. Мы были гостями незваными, и потому визиток у нас при себе не имелось. За дверями открывалась просторная гостиная, уставленная дорогой, со вкусом подобранной мебелью. Мягко ступая по ворсистому ковру, Ки шагнул за заваленный бумагами письменный стол, отгородившись им от нас, как баррикадой, и принялся шарить в ящиках, нервно открывая их один за другим. Наконец его поиски увенчались успехом.

– Убирайтесь прочь! – взвизгнул он. В дрожащей руке паренька ходил ходуном револьвер с коротким, но толстым стволом.

– Вот это гостеприимство! – оценила представившуюся ей картину Лора, прищелкнув языком. – Мсье знает толк в этикете. Убери пушку, сопляк, поранишься ненароком.

Но парень и не думал прятать оружие. Хищное дуло револьвера смотрело то на меня, то на мою спутницу, словно его обладатель никак не мог решить, кого подстрелить первым. Тяжело вздохнув, Лора сделала шаг к столу.

– Стойте! Я буду стрелять! – выпучив от напряжения глаза, пригрозил Ки.

– Да стреляй, – разрешила Лора. – Судя по тому, как ты держишь эту игрушку, ты сам себе в задницу не попадешь без посторонней помощи.

Шаг. Еще шаг. Ки, кажется, выбрал себе цель, и теперь револьвер смотрел точно ей в живот. Лора расслабленно остановилась в нескольких шагах от парня, от которого ее отделял письменный стол. Несколько секунд она пристально разглядывала его, как энтомолог рассматривает под увеличительным стеклом пойманную им редкую букашку, а в следующий миг стремительным и незаметным движением очутилась рядом и схватила неудавшегося стрелка за руку. Послышалась возня. Я метнулся было на помощь, но не успел: Лора отпрянула, громко выругавшись, – похоже, парень, каким-то чудом извернувшись, таки заехал ей рукояткой револьвера по голове и, воспользовавшись секундным замешательством, дал стрекача. Грубо оттолкнув меня в сторону, Ки бросился в коридор. Я устремился следом. Схватить беглеца за рукав мне удалось лишь на крыльце, и, вцепившись в плотную ткань, я решил ни за что не отпускать свою добычу.

– Поймал! – крикнул через плечо я.

И напрасно: стоило мне на мгновение отвернуться, как ассистент ученого наклонился к стоявшему возле крыльца деревянному ящику с песком, которым дворники присыпали покрытые скользким настом дорожки, зачерпнул оттуда добрую пригоршню и что есть силы швырнул ее мне в лицо.

– Черт! – выругался я, закрыв лицо ладонями. С грохотом распахнулась дверь, и следом за мной на крыльцо выкатилась запыхавшаяся Лора.

– Сбежал, сволочь, – процедила она сквозь зубы и разразилась длинной нецензурной тирадой, мешая в единый коктейль русские и краймарские ругательства.

– Он мне в глаза песком сыпанул, – сплевывая хрустящие на зубах песчинки, пожаловался я.

– Глаз не жопа, проморгается. Пойдем-ка лучше в доме пошустрим, пока хозяина нет. Может, найдем чего интересного, раз уж случай подвернулся.

Копаться в чужих вещах без ведома их законного владельца мне совершенно не хотелось, уж слишком сие мероприятие смахивало на банальную кражу. Однако Лору это, похоже, ничуть не смущало. Поплевав на ладони, я протер глаза и только тогда смог открыть веки, чтобы посмотреть на свою спутницу. Под глазом Лоры медленно расцветал лилово-синий, как тревожное грозовое небо, фингал.

– Красавица! – оценил я.

– На себя посмотри, Ален Делон хренов, – огрызнулась девица. – Пошли, пока этот кот ученый мусоров местных сюда не привел.

Пожав плечами, я отправился следом за ней в только что покинутую нами гостиную. И все-таки явный испуг, с которым встретил нас этот самый Гвен Ки, не давал мне покоя. Интересно, кто его так встревожил? Я догадывался, кто это мог быть, но думать об этом сейчас не хотелось. По всему выходило, что Эйжел опережает нас буквально на полшага, и эти самые полшага могут стать для нас роковыми. Нужно во что бы то ни стало добраться до профессора раньше ее.

Глава 5

Беглый осмотр гостиной не принес ожидаемых результатов. Двери на второй этаж, в кабинет и спальню оказались заперты, а на столе обнаружились лишь старые газеты и неоплаченные счета. Порывшись ради проформы в ящиках стоявшего возле стены трельяжа, Лора подала знак о том, что нам пора убираться отсюда подобру-поздорову. Оказавшись на улице, она зашагала от дома ученого прочь, не оглядываясь. Лицо ее при этом хранило крайне задумчивое выражение.

– Как он там сказал? – обращаясь не то ко мне, не то в пространство, произнесла она. – Проект «Ураган»?

– «Шторм», – поправил ее я.

– О чем это он?

– Ни малейшего представления.

А ведь действительно, парень упоминал о каком-то проекте, в котором, видимо, замешан его шеф. Мне вдруг подумалось, что озвученное им название отдает чем-то армейским, а не научным. Что ж, если в деле замешаны военные, разузнать что-то будет ой как непросто.

– Не нравится мне все это… – вздохнула Лора. – И чем дальше, тем больше не нравится.

– Слишком мало вводных, – согласился я. – Все наши проблемы от недостатка информации. Что нам, по большому счету, известно? Да почти ничего. Ну, имя: Ласс Хольте. Известен адрес его проживания, но неизвестно местонахождение. Теперь вот еще проект какой-то…

– Даже не знаю, с какой стороны теперь за это взяться… – вздохнула девушка.

– Зато я знаю, – заверил свою спутницу я и поймал на себе заинтересованный взгляд.

* * *

С детства не люблю библиотеки. Не только за их гулкую больничную тишину, нарушаемую лишь шелестом переворачиваемых страниц, или за сладковатый запах пыльной бумаги, от которого невозможно скрыться. Рядом с моим московским домом была районная библиотека, куда я часто захаживал в детстве. Просторный, светлый и всегда полупустой читальный зал, где желающим выдавали периодику, и «абонемент», откуда можно было взять заинтересовавшую тебя книгу навынос. В абонементном отделе работала полная женщина неопределенного возраста, в толстых очках и с неизменным болезненным румянцем на пухлых щеках. День-деньской она просиживала за своей конторкой над журналом «Работница», изредка отвлекаясь лишь для того, чтобы царственным жестом направить очередного читателя к стеллажам с библиотечной картотекой, в которой неподготовленному обывателю было решительно невозможно что-либо отыскать. На просьбы посоветовать какую-нибудь книгу она отвечала змеиным шипением, поблескивая на посмевшего нарушить ее покой посетителя стеклами очков. А еще от нее терпко, густо, до головокружения пахло дешевыми лавандовыми духами. До сих пор при слове «библиотека» мне мерещится этот тошнотворный удушливый запах.

Центральная городская библиотека Венальда располагалась в высоком здании, опиравшемся на массивные гранитные колонны. По всей видимости, это монументальное сооружение было воздвигнуто еще до Катастрофы, и архитекторы явно вдохновлялись в своей работе античными мотивами земного образца. Внутри библиотека также мало походила на привычные мне аналоги из родного мира. Здесь было уютно. Не то чтобы вот прямо захотелось тут поселиться навсегда, но упасть в мягкое кожаное кресло, закрыть глаза, замереть на несколько минут, ловя мимолетное ощущение покоя, – точно. Холодный мрамор стен надежно скрыт кадками с изумрудно-зелеными деревцами, листья которых свисают почти до самого устланного коврами пола. Солнечный свет льется откуда-то сверху: там, под сводчатым потолком, прячутся окна. А еще здесь отсутствовала гнетущая кладбищенская тишина: откуда-то доносились женский смех и веселые голоса, а фоном для этих звуков служила едва различимая замысловатая мелодия, которую выводила не то флейта, не то сиринга.

Мы миновали тихо журчащий и искрящийся в лучах света фонтан и, следуя указателям, поднялись на второй этаж – в репозиторий научно-технической литературы. Насколько я мог судить, библиотека была не просто хранилищем книг, но и исследовательским центром: в просторном зале обнаружились несколько десятков ученых мужей разного возраста, кропотливо изучавших толстенные фолианты и что-то переписывающих в разложенные перед ними на

столах тетради. Каталог фондов здесь тоже оказался не совсем привычным: он включал именной указатель, алфавитный и тематический. Отыскать что-то среди сотен тысяч карточек оказалось не слишком простой задачей, однако библиотека предоставляла своим посетителям удобный сервис: за несколько монет местный архивариус мог подобрать литературу практически по любой интересующей визитера теме. В качестве такого сотрудника нам вызвалась помочь пожилая сутулая женщина с затянутыми в тугой пучок седыми волосами и редкими седыми же усиками над верхней губой. Записав на листочке бумаги наше пожелание – найти любые издания, в которых упоминался бы проект «Шторм» или ученый по фамилии Хольте, она удалилась в анфиладу заставленных книгами стеллажей, ревматически шаркая ногами. А мы принялись ждать.

– Давно хотела спросить тебя, Ударник, – неожиданно обратилась ко мне Лора, – ты у других пограничников дома бывал? Не здесь, в Центруме, а на Земле?

Вопрос, прямо скажем, неоднозначный: все мы привыкли к скрытности и потому стараемся по возможности не смешивать «здесь» и «там». Это две разные жизни, и будет лучше, если они никогда не пересекутся. Отсюда – все эти клички, благодаря которым бойцы порой даже не знают настоящих имен друг друга, отсюда же ставшая притчей во языцех замкнутость и нелюдимость тех, кто посвятил свою жизнь службе в Корпусе. Не доверяй никому, кроме самого себя, – вот главный принцип. В этом сила, но в этом же и главная слабость Пограничной стражи Центрума. Если ты привык всегда рассчитывать только на собственные силы, глупо надеяться на чью-то помощь в трудную минуту.

Я вспомнил нашу давнюю встречу в квартире Бобрикова, с которой началось очень неприятное для обитателей шестнадцатой заставы приключение. Приключение, конечным итогом которого стало исчезновение самой шестнадцатой пограничной заставы как таковой. В итоге личный состав разбрелся теперь кто куда. Видимо, на моем лице отразилось нечто такое, что заставило Лору отвести взгляд.

– Ну, положим, был один раз.

– И как тебе?

– Да никак, – пожал плечами я. – Квартира как квартира, вполне себе обыкновенная по московским меркам. Ты чего хотела-то?

– Просто я тоже бывала у пограничников в гостях, и знаешь…

Она на секунду замялась, подбирая слова.

– Ну, в общем, многие живут вполне себе кучеряво. Не золотые унитазы, конечно, но… Ремонтик там хороший, мебелишка, туда-сюда… На тачках приличных ездят.

Ах, вот оно что. Смысл в ее словах и в самом деле есть: некоторые бойцы часто таскают из Центрума на Землю ценности да всякое другое барахло, которое можно выменять на деньги. Та же Калька, например, но у нее так сложились жизненные обстоятельства. Да и изъятый у контрабандистов товар никто не давил бульдозерами. Не то чтобы коррупция в рядах Пограничной стражи цвела буйным цветом, но она все же имела место. Я и сам, грешник, порой не брезговал прихватить с собой в родной мир что-нибудь полезное, да вот хотя бы тот самый экспроприированный у морячка рюкзак с батарейками, который едва не стоил жизни как минимум половине населения планеты…

– А тебя, значит, смущает, что я в старой пятиэтажке живу и перемещаюсь на метро?

– Не смущает. Удивляет. Только не говори, что твои доходы не позволяют тебе купить квартиру в приличном доме. Или твой хитрый портал конкретно к этому месту привязан?

– Не привязан, доводилось и из других мест порталы открывать… Дело не в этом.

– Тогда в чем?

– Да чего ты пристала-то? – начал заводиться я.

– Просто пытаюсь разобраться, отчего ты у нас такой бессребреник. Скажешь небось, что ты кристально честный пограничник. Только честных людей не

бывает в принципе. Каждый хоть где-то, хоть что-то, хотя бы раз в жизни да намутил в свою пользу. Ты служишь в Пограничной страже уже больше шести лет, так почему еще не успел обустроиться на Земле? Мне это непонятно. А я не люблю, когда мне что-то непонятно.

– А может, у меня еще одна квартира есть? – ехидно посмотрел на свою спутницу я. – Только я ее кому попало не показываю?

– Нету. Берндт мне твое досье переслал, я его хорошенько изучила.

Изучила она, надо же. А ведь и в самом деле, она права. За все годы, которые я провел на заставе сначала под началом Старика, а потом в качестве командира, я так и не удосужился толком привести в порядок собственное жилище. Да хотя бы диван новый купить взамен старого и продавленного, на котором спать уже почти невозможно из-за врезающихся в зад пружин. Просто как-то не задумывался об этом раньше.

– Если что-то происходит, для этого всегда есть причина, – уже совершенно спокойным тоном ответил я. – Моя причина кроется в том, что на Земле меня ничего не держит. Нет у меня там якоря, который тянул бы вернуться назад. Я живу в Центруме.

– Так у тебя и здесь ничего нет. Ни дома, ни семьи…

– Ну, значит, считай меня нищим бродягой. Авантюристом без прошлого и с сомнительным будущим. Так будет проще для всех.

Лора как-то странно посмотрела на меня, но промолчала. Тем временем из глубин книгохранилища появилась наша помощница с крайне озабоченным выражением лица. Вопреки ожиданиям она не толкала перед собой тележку с грудой заказанных нами фолиантов.

– Странное дело, молодые люди, – обратилась к нам она, – в нашем каталоге числится семь книг за авторством профессора Ласса Хольте. И ни одной сейчас нет в наличии.

– Давно их взяли на руки? – тут же насторожился я.

Библиотекарь сверилась с бумажкой, в которую она занесла нашу заявку, и ответила:

– Вчера вечером. Причем все семь сразу.

– А когда этими изданиями интересовались в предыдущий раз?

Хранительница знаний снова уткнулась в свою шпаргалку.

– «Исследования переменных токов высокой частоты» брали более четырех лет назад, «Индукционные генераторы и вакуумные трубки» – пять с половиной, «Феномен электромагнитных излучений» – более трех лет назад…

– Достаточно, – прервал ее я.

– Если вас это интересует, я могу попытаться узнать, кто вчера забрал все эти книги, – извиняющимся тоном предложила библиотекарь. – Правда, это была не моя смена…

– Спасибо, это лишнее. – Я и так прекрасно знал, кому могла столь внезапно понадобиться вся эта научно-техническая литература. Мгновение поразмыслив, я обернулся к Лоре:

– Пойдем, тут больше делать нечего.

– И куда теперь?

– Тут недалеко.

Отдел развлекательной литературы и публицистики располагался на самом первом этаже, в просторном зале, заставленном письменными столами и стульями с высокими спинками. Посетителей тут оказалось не в пример больше. Пришедшая мне в голову идея была простой, как медный грош: если на свете существует какая-либо публичная фигура, да еще и участвующая в крупном научном проекте, информация об этом не могла не просочиться в прессу. Пусть даже эта пресса будет насквозь бульварной.

На этот раз заказанный нами поиск по тематическому указателю обошелся немного дороже и занял чуть больше времени, однако принес долгожданный результат. Молодой, но уже лысеющий библиотекарь разложил перед нами толстую подшивку журналов, прикрепленную к деревянной обложке плетеным шнуром.

– Номер третий за пятьсот второй год, – лаконично пояснил он.

«В условиях современной цивилизации, – гласила найденная мною на указанной странице статья, – важно обеспечить растущие производственные мощности доступной энергией. Однако далеко не всегда представляется возможным добывать ее там же, где размещаются основные потребители – фабрики и мануфактуры. Таким образом, существенно возрастает важность передачи энергии на значительные расстояния, а эта проблема, как известно, уже успешно решена во многих сопредельных мирах, таких как Маранг. Своими мыслями по этому вопросу с нашим корреспондентом поделился знаменитый ученый, преподаватель Венальдского технического университета имени святого Гуга профессор Ласс Хольте…»

Кто таков этот самый святой Гуг, я не имел ни малейшего представления, а вот упоминание места работы нашего высокомудрого ученого мужа вселяло определенный оптимизм.

– Двинем в университет? – поинтересовалась Лора, до этого настырно сопевшая мне в ухо, читая статью через плечо.

– Непременно, – я взглянул на подаренные мне часы, – только завтра, потому что сейчас уже поздно. Самое время найти какой-нибудь постоялый двор для ночлега.

* * *

Оставшихся денег хватило лишь на тесную комнатенку с узким стрельчатым окошком, выходившим в заснеженный переулок. Над городом уже сгущались сумерки, нарушаемые серебристым светом выползшей на небосвод кособокой луны. Ни печи, ни камина в этой дешевой каморке не имелось, зато вдоль стены шла печная труба от расположенной в первом этаже кухни. Труба давала

столько жара и так нагрела и без того спертый воздух нашего скромного убежища, что мне пришлось немного приоткрыть оконную раму, впуская внутрь прохладный вечерний воздух. Было тихо: лишь где-то вдалеке хрипло брехала собака, да из далекого кабака доносился плач скрипки, сквозь который высокий женский голос выводил протяжную песню на джавальском. На фоне потемневшего неба, окрашенного вдоль линии горизонта болотно-зеленым призрачным светом, перемигивались звезды. Люблю такие безмятежные вечера. Люблю стоять у окна, любоваться на закат, неторопливо перебирая, словно четки, струящиеся в голове мысли.

Мы только что перекусили рублеными вареными овощами – на большее с нашими скудными финансами рассчитывать не приходилось, – но в животе у меня все равно урчало. Сейчас бы мясца, а потом кружку горячего чаю с хрустящим печеньем.

– Чего приуныл?

Ничуть не стесняясь присутствия постороннего мужчины, Лора стянула и бросила в угол свои бесформенные штаны, оставшись в одной футболке, из-под которой выглядывали стройные крепкие ноги в легкомысленных розовых трусиках. Под футболкой вроде бы тоже ничего не наблюдалось.

– Да вот думаю, а не послать ли все на хрен и не осесть ли окончательно в Центруме? Домик тут прикупить где-нибудь в глуши, когда все закончится…

– Эй, а как же родной дом? У тебя ведь там вроде мать осталась…

– Да мы и не общаемся почти, – пожал плечами я. – Меня дед с бабкой воспитывали, царство им небесное. Я сейчас в их квартире и живу. Матери, наверное, без меня в Москве спокойнее будет, да и привыкла уже… Есть множество людей, у которых дети за океан перебрались. Ну вот и тут, считай, то же самое, только океан у нас в километрах не измерить…

– А друзья?

– А друзья у меня все сплошь проводники да пограничники. Захотят – сами наведаются в гости.

Снова выглянув в окно и вдохнув пахнущий печным дымом ночной ветер, я вдруг со всей отчетливостью понял, что чертовски, безмерно устал. Разгром заставы, бесконечная гонка по клондальской степи, путешествие через Разлом, плен и неожиданное освобождение из сурганских застенков, безуспешные попытки вычислить и перехватить ускользающих агентов Очага… Все это навалилось на плечи свинцовым грузом. Хотелось отдыха и покоя. Маленькая уютная избушка где-нибудь в предгорьях Синего Кряжа и впрямь казалась мне сейчас пределом мечтаний. Конечно, такая размеренная жизнь рано или поздно наскучит, но это будет когда-нибудь потом, не сейчас…

Стоп. Отставить нытье. Я самый обычный человек, несмотря на то, что тот тип со странным молдавским именем Виорел намекал на мою избранность. И как любой человек, нуждаюсь в отдыхе. Нужно просто немного поспать, и силы вернутся. А они мне, черт возьми, скоро понадобятся.

Вдалеке снова закашлялась собака, пожелтевшая луна вызолотила скаты крыш. Внизу, в переулке, показалась пошатывающаяся фигура ночного гуляки в полурасстегнутом тулупе. Волоча за собою длинную угловатую тень, пьянчуга доковылял до торчащей из сугроба калитки, прокричал, потрясая в пространство кулаком: «Все краймарские купцы – скряги, воры и глупцы!», после чего попытался войти в воротца. Не получилось: запнувшись, пьяница навзничь повалился в сугроб и потерял шапку. Передохнув пару минут, он собрался с силами, с трудом поднялся на четвереньки, а затем продолжил свое путешествие по заснеженному тротуару в таком положении. Вскоре это четвероногое существо в тулупе окончательно скрылось за углом соседнего дома, и улица снова опустела. А мои мысли неохотно вернулись к насущным делам.

Интересно, почему Хольте сбежал из Лореи? По логике вещей, эксперименты стоило бы проводить в континууме, считающемся здесь главным научным центром и средоточием лучших умов этого мира. Видать, что-то его спугнуло. Только вот что? Эх, заглянуть бы в его книги, чтобы понять, в каком направлении этот мыслитель вел свои изыскания. Судя по названиям, что-то, связанное с электричеством. Ясно одно: поскольку книги исчезли, как, впрочем, и сам ученый, мы на верном пути. Его определенно ищут, всякий раз опережая нас на полшага. И теперь нам нужно хорошенько подумать, прежде чем сделать следующий ход, если мы хотим обхитрить соперника.

А ведь есть у нас и еще один коварный враг – время. Вернее, этого самого времени как раз таки почти что и нет. Осталось чуть меньше месяца, чтобы отыскать беглого профессора, выпытать, вытряхнуть, вытянуть из него клещами технологию закрытия порталов, а если не получится, вернуться на Землю и устроить в моем доме круговую оборону. Надеясь, что враг в этот раз не окажется проворнее и сильнее.

Лорея, Краймар, электричество, Центрум, Земля, Очаг… Ключ от этой головоломки, казалось, был где-то рядом, только вот я никак не мог его отыскать. Картина напоминала мне неосторожно разбитое блюдо с замысловатым рисунком: каждый узор определенно являлся частью единого целого, но представить его целиком по разрозненным фрагментам никак не получалось.

Кроме того, нужно решить еще одну насущную проблему – финансовую. Добытые Лорой деньги подошли к концу, но мое самолюбие и без того больно уязвляло меня, регулярно напоминая, что сейчас я фактически живу за ее счет. Такие вот заложенные поколениями гендерные стереотипы: мужик должен быть добытчиком, хоть наш тандем являл собой не пару, а просто вынужденных партнеров. Нужно что-то придумать, пока моя напарница не изобрела еще какую-нибудь мошенническую схему. С нее станется.

Взгляд упал на небрежно брошенную посреди комнаты вчерашнюю газету «Венальдский вестник», которую я подобрал в харчевне за ужином, чтобы завернуть в нее оставшиеся полкраюхи хлеба. «Краймар и Сурган заключили мирное соглашение!» – гласил набранный крупным кеглем заголовок на первой полосе. Я пробежал ровные строки глазами:

«Два великих континуума, руководствуясь соображениями взаимных политических интересов… В целях сохранения мира, безопасности и развития дипломатических отношений… Направленным на благо всего человечества… При единодушной поддержке всех слоев населения… О сотрудничестве в военной, экономической и социальной сфере… Ведет к единству наших народов».

Видать, пропагандистский канцелярит варится в редакторских кухнях по единому рецепту во всех без исключения мирах. Вот откуда на улицах Венальда взялось столько прохожих в серых сурганских мундирах. Я перелистнул страницу. Третью полосу занимала заметка о формировании Краймарского

добровольческого корпуса, направляемого в помощь Танголу. Статья сопровождалась зернистой фотографией бравых вояк, марширующих по брусчатке городской площади. Я усмехнулся: неужто сурганцы сами не расправятся со своими слабыми соседями? Аламею и Клондал пережевали и даже не поперхнулись… Я снова зашелестел газетной бумагой. На последней странице среди объявлений о продаже недвижимости, поздравлений с бракосочетанием, некрологов и судебных оповещений я обнаружил то, что искал. «Во исполнение международных договоренностей правительство Краймара выслало на родину группу беженцев, обвиняемых властями Сургана в измене родине…» «Выслало» нужно читать как «выдало “Вайберу”». Какая судьба ждет этих несчастных дома, можно даже не сомневаться… Полторы сотни фамилий, полторы сотни поломанных судеб. Альбер, Айвен, Готес, Майлеф, Фенгель… А вот совсем необычная, теплая и солнечная фамилия – Летто. Говорят, история повторяется дважды. Похоже, в сопредельных мирах она повторяется даже трижды, что наводит на невеселые мысли.

Я оглянулся: Лора уже спала, небрежно набросив на ноги одеяло. На украшенной витиеватой татуировкой руке в районе запястья виднелась вплетенная в узор черная окружность с крестиком внутри. Стараясь не шуметь, я сложил газету и прилег рядом, «валетом». От ее тела слегка веяло горьковатым потом, но этот запах почему-то не показался мне неприятным. Я осторожно повернулся на бок и прикрыл веки. Кажется, Лора даже не проснулась.

Глава 6

В отличие от индустриально развитого Тангола в Венальде общественный транспорт практически отсутствовал. Тут его заменяли частные извозчики на узких двуколках, запряженных низкорослыми мохноногими лошаденками. Этот незамысловатый эрзац земного такси прекрасно вписывался в здешние тесные и извилистые улочки, где вряд ли смогли бы разминуться два локомобиля.

Солнце уже взошло и радостно искрилось на укрывавших скаты крыш снежных шапках. День, судя по ясному безоблачному небу, снова обещал быть теплым: запоздалая весна понемногу вступала в свои права и здесь, в суровом Краймаре. Подняв по местным традициям согнутую в локте руку, я остановил пролетку.

– Куда изволите? – вежливо поинтересовался возница.

– А давай на центральный телеграф, любезный, – ответил я.

Скрипнули рессоры, и двуколка опасно качнулась, впуская нас с Лорой под низкий кожаный навес.

– Зачем нам туда? – спросила девушка, ежась от утренней прохлады.

– Будем решать финансовую проблему, – откликнулся я, – причем кардинальным образом.

– Поясни?

Я вздохнул, собираясь с мыслями.

– Краймар и Сурган заключили пакт о сотрудничестве. Формально Краймар придерживается в этой войне нейтралитета, но при этом беспрекословно выполняет все требования Тангола. В частности, о выдаче сурганцам беженцев, многие из которых уже оформили здесь запрос на гражданство. Знаешь, каково главное условие получения иностранцами краймарского паспорта?

– Ну-ка?

– Для этого нужно положить на счет в любом местном банке сто пятьдесят тысяч. Через пять лет их можно забрать. Соображаешь, какой замечательный бизнес придумали местные воротилы за компанию с правительством? Собирают деньги с беженцев, многие из которых преследуются в Сургане по политическим мотивам, а потом депортируют их обратно на родину, не вернув депозит. Деньги будут десятилетиями крутиться на счетах, зарабатывая банкирам проценты. Неплохо, да?

– С-сволочи, – с чувством произнесла Лора. – Дерьмо собачье.

– Деньги не пахнут, как сказала недавно одна моя знакомая девушка. Ну а политика – грязное дело во всех мирах.

– Но ведь как-то эти деньги можно вернуть? – Лора пристально посмотрела на меня.

– Родственники смогут их забрать, но есть одна загвоздка: большинство из них никогда не узнает, в каком именно банке был открыт счет. Так что мы вполне можем назваться чьим-нибудь дядюшкой, проверки личности здесь не такие строгие, как на Земле.

– Ты же сам говорил, что мошенничать нехорошо, – фыркнула Лора.

– А это и не мошенничество. Все вклады застрахованы. Если банк по ошибке выдаст деньги постороннему лицу, страховая компания возместит все убытки. Так что считай, это экспроприация экспроприированного.

– Экспра… экспро… Тьфу ты, по-человечески, что ли, объясняться не можешь?

– В другой раз, – ответил я, спрыгивая с двуколки и подавая спутнице руку, – мы приехали.

* * *

Двухэтажное здание центрального телеграфа было легко узнаваемо по густой паутине проводов, сбегавшихся к нему со всех окрестных переулков. Природный каучук в Центруме дорог, потому медные провода изолировались густо намотанной на них вощеной нитью, защищенной поверх для надежности слоем просмоленной ткани, – самое то для краймарского холодного климата. Но и такая технология выходила совсем не дешевой, потому телеграфная, а тем паче – телефонная связь присутствовала только в казенных учреждениях и богатых фирмах. Крупные банки, понятное дело, ею также не брезговали.

Изнутри гулкий холл телеграфной станции напоминал не то храм, не то пустынный вокзал. Поозиравшись по сторонам, я обнаружил лежащий на дубовом столике телефонный справочник: не слишком толстую книгу в потертом кожаном переплете. Здесь же под стеклом обнаружились прейскурант и правила пользования услугами учреждения, напечатанные на пожелтевшей бумаге. Правила оказались простыми: обменяв в кассе деньги на картонный билет по количеству минут разговора, нужно заказать звонок у диспетчера и

терпеливо дожидаться вызова в кабину с указанным на картонке номером. Собрав по карманам всю оставшуюся мелочь, мы пересчитали жалкие медяки. Хватит на шесть с половиной минут. Негусто.

– Расклад такой, – понизив голос, пустился я в объяснения, – берем только три крупнейших банка, которые на слуху: вряд ли иностранные подданные побегут сдавать свои кровные в мелкие финансовые конторы. Затем выбираем три самые редкие фамилии, чтобы избежать накладок. Никаких вопросов не задаем, говорим уверенно о том, что в вашем, мол, банке открыт счет на это имя, когда можно прийти и забрать вклад? Если клиента с таким именем нет, извиняемся и вешаем трубку. Вероятность успеха невелика, но она есть. Голос, надеюсь, менять умеешь?

– Сомнительная затея… – покачала головой Лора.

– Зато у тебя есть шанс стать первым в истории Центрума телефонным жуликом, – заверил ее я. – Ну что, готова? Тогда поехали по списку.

Нам повезло уже на четвертый раз.

– Да, Летто, Марта Летто, моя благословенная матушка, – залепетала в тяжелую эбонитовую трубку с медным раструбом Лора, сделав мне большие глаза. – Когда? Да, конечно. Разумеется, могу. Спасибо!

– «Венальдбанк», – пояснила она, звякнув трубкой о рычаг. – Пятая улица, собственный дом. Только денег на извозчика у нас уже не осталось.

– Значит, пойдем пешком, – пожал я плечами.

* * *

Спустя полтора часа мы вышли из банка с карманами, туго набитыми розово-красными банкнотами Государственного казначейства Краймара. Все-таки Центрум, до Катастрофы опережавший Землю в своем развитии, сейчас заметно отставал в плане технологий, что, безусловно, сыграло нам на руку. Не пришлось даже подделывать документы: в отличие от Сургана, где широко распространена фотография, патриархальный Краймар не мог похвастаться

такими благами цивилизации. По пути в банк мы завернули в поместный полицейский участок, где усталый и сонный жандарм лениво выписал Лоре с ее слов «адресный билет» на фамилию Летто. Документ давал предъявителю право на временное пребывание в Краймаре сроком до месяца. Банковский служащий – сморщенный, как чернослив, сутулый старичок с густыми волосами в носу – и вовсе мельком глянул в бумагу, после чего попросил меня засвидетельствовать подписью личность госпожи Лоры Летто, неторопливо занес в специальный гроссбух наши приметы, покрутил ручку грохочущего, как заводской цех, механического арифмометра и, кряхтя, выложил на конторку несколько пачек слегка потрепанных купюр. Операция чуть не сорвалась, когда я, потянувшись пером к бумаге, едва не выставил напоказ свою пограничную татуировку, что неминуемо вызвало бы у клерка подозрения. Нас спасло то, что я вовремя догадался одернуть рукав, скрыв заметную издалека круглую метку от посторонних глаз.

– Ну, вот и все, теперь мы богаты, – сказал я, спускаясь по обшарпанным гранитным ступеням.

– Куда отправимся? – поинтересовалась Лора и подозрительно оглянулась по сторонам, словно подозревая слежку.

– В университет, – с довольным видом откликнулся я, – навстречу знаниям. Эй, извозчик!

Возница охотно притормозил двуколку и, приняв на борт пассажиров, цокнул языком, трогая лошадь с места.

– Хоть бы угольную печку на пол догадались поставить, – проворчал я, устраиваясь поудобнее на жестком и узком сиденье, – ноги окоченели, спасу нет.

Рядом возилась Лора, пытаясь умоститься так, чтобы получше видеть происходящее вокруг. Извозчик никуда не спешил: лошадка цокала по мерзлой брусчатке мостовой неторопливым шагом, а мимо проплывали приземистые двух- и трехэтажные домишки краймарской столицы.

– Интересно, почему тут столько недостроенных зданий? – Моя спутница указала на неопрятно торчащую из мансарды ближайшего жилища железную

арматуру. – Наверное, это как-то с налогами связано? Ну, типа, если дом недостроен, то и платить можно меньше?

– Не-а, все дело в местных традициях, – ответил я, поворошив в памяти все имеющиеся в запасе скудные знания о Краймаре. – Люди тут живут большими семьями, сразу несколько поколений в одном доме. На первом этаже – старшие, выше – молодежь. Входы у них, разумеется, разные, зато можно собраться вместе на ужин или по поводу какого-нибудь праздника. Опять же, нет проблем, если вдруг нужно кому-то с детьми посидеть. По краймарской традиции, жилище молодой семье предоставляют родители невесты. Поэтому если в доме есть девушка на выданье, после помолвки они быстренько достраивают еще один этаж, и можно праздновать свадьбу. Так что весь этот недострой – просто задел на будущее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/luk-yanenko_valentin/ochag

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить